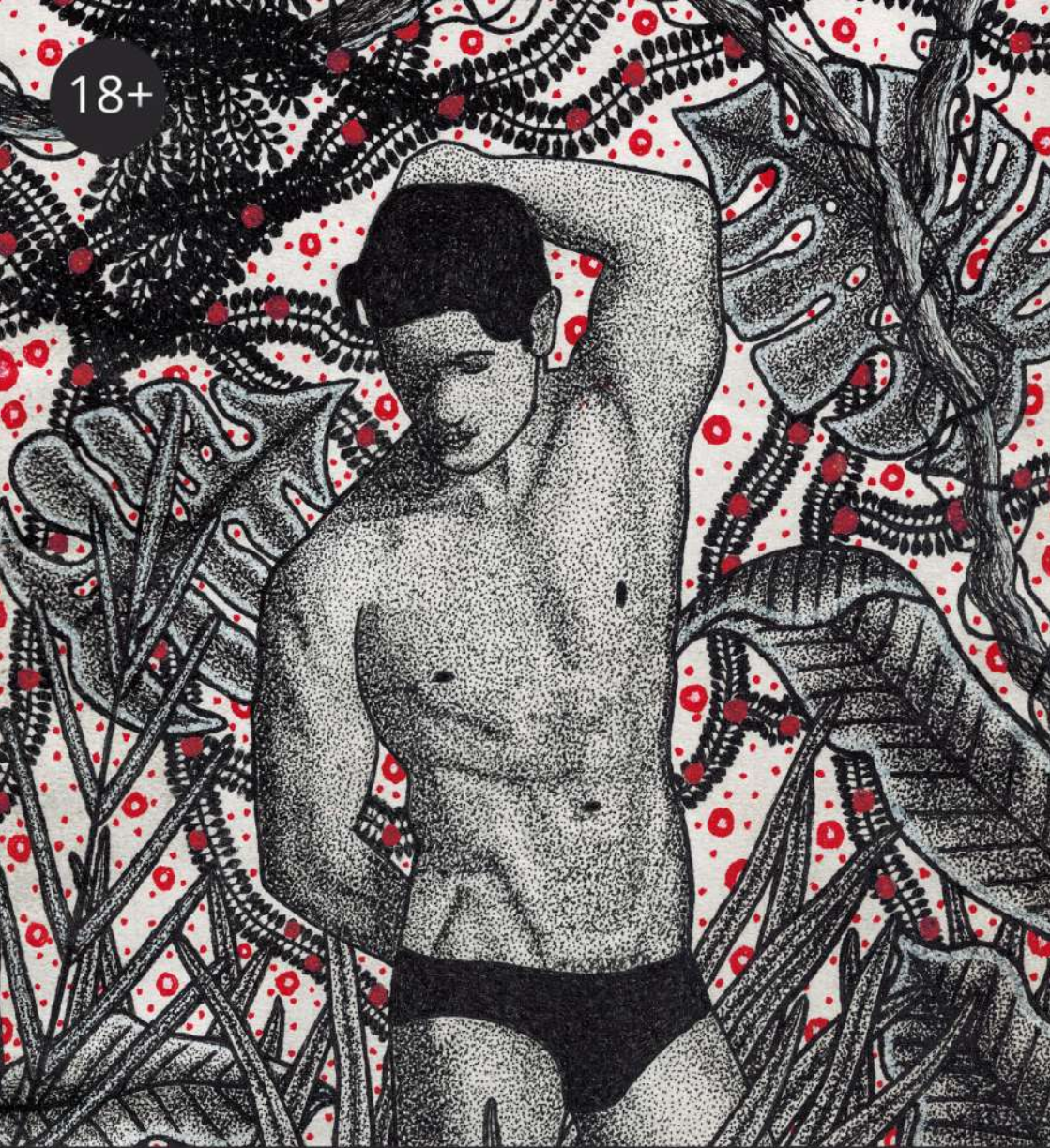

18+

СПЕЦВЫПУСК | ДЕКАБРЬ 2022

В С Л У Х

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КВИР-ЖУРНАЛ

«Вслух»

литературный квир-журнал 18+

Над выпуском
работали:

Почта редакции:
vsloh.zhurnal@gmail.com

Сайт журнала:
<http://vsluhzhurnal.com/>

- © [Маргарита Йоханссон](#), 2022
- © [Аля Давыдова](#), 2022
- © [Саша Перкис](#), 2022
- © [Андрей Нечаев](#), 2022
- © [Макс Фальк](#), 2022

*Журнал распространяется
бесплатно*

Иллюстраторы:

[draw eat read](#)

[Генри](#)

[wee. .wee](#)

[Enlil A.](#)

Редакторы:

А. Толкачева

А. Нечаев

Верстка:

А. Толкачева

Дизайн обложки:

[Greg Olivenbaum](#)

Логотип: [Алексей Лис](#)

С

Колонка редактора.....[4](#)

О

Алекси[5](#)

Д

Е

Отрезвляющая свобода....[32](#)

Р

My best buddy[50](#)

Ж

А

Исповедь монстра, живущего
под кроватью[88](#)

Н

52 Гц (фрагмент)[107](#)

И

Е

Колонка редактора

Квирного дня, читатели и читательницы!

Русскоязычная культура – это феникс, периодически умирающий, чтобы потом восстать из пепла. В 2022 мы наблюдали период очередной гибели. Насаждение цензуры выразилось в принятии нескольких «законов», последним из которых стал «закон против пропаганды ЛГБТ».

В ответ на цензуру мы сажаем ростки новой культуры – более инклюзивной, свободной и разнообразной. Журнал «Вслух» и подкаст «Громче» – как раз из этих ростков. Есть и другие, и в скором времени их станет больше, они будут расти и становиться сильнее. И в один прекрасный день станут высокими деревьями. Тогда феникс возродится, и русскоязычная культура трансформируется.

Этот выпуск посвящён подросткам-геям. Истории их разные, но они объединены общими темами: первая любовь, внутренняя гомофобия, несоответствие стандартам «мужественности», отношения с родителями, жизнь в шкафу и попытки выйти из него. В то же время каждый герой имеет свои особенности, таланты, стремления.

В отличие от цензоров, мы знаем, что такое забота о детях. В том числе – об ЛГБТ+ детях. Мы знаем, как важно говорить с ними и о них. Иногда эта информация может, без преувеличений, спасти жизнь. Поэтому можете считать этот выпуск нашим манифестом против цензуры и против той «защиты детей», которую нам предлагает российское государство.

Приятного чтения и помните:

Квир спасёт мир!

Андрей Нечаев

Маргарита Йоханссон

АЛЕКСИ

1

— Эй, Алекси, пошли в донкен¹, — говорит Туре и с размаху шлёпает Алексея между лопаток.

Этот жест должен показывать его хорошее расположение, но мощная ладонь попадает как раз по свежему рубцу, и Алексей дёргает плечом, орёт:

— Какого ты меня лапаешь, педик, что ли?

— Большой, — фыркает Туре и тут же переключается на Мальте, Эрика и Луке: — Ну что, бойс, в донкен?

Они все одинаково загорелые, с одинаковыми нарочито небрежными, но на самом деле аккуратно уложенными причёсками, в коротких спортивных носках и узких гантовских шортах, в светлых теннисках и накинутых на плечи тонких свитерах: рукав в рукав, чтобы всё лежало

1 McDonald's

красиво, не топорщилось, не съезжало и не закрывало фирменную эмблему на тенниске. Алексей тоже умеет так, но не носит. Мама говорит: «Либо надевай нормально, либо снимай и клади в шкафчик, нечего растягивать рукава».

— Йо, Алекси!

Джамал старательно набивает об пол баскетбольный мяч, и проходящая мимо Ульрика на автомате бросает:

— С мячом — на улицу.

— Да я иду, иду, — лениво отзывается Джамал.

Ульрика смотрит на его грязные уличные кроссовки и быстро отводит взгляд, явно считая, что и так уже в достаточной мере выполнила свой учительский долг.

Алексей пытается проскользнуть мимо Джамала в библиотеку, но не успевает.

— Йо, мужик, пошли на площадку!

Джамал не хлопает по спине, спасибо ему за это. Ограничивается прицельным броском мяча под рёбра.

— Не-е, — тянет Алексей, когда к нему возвращается способность дышать. — Надо списать домашку.

На самом деле он сделал домашку ещё вчера, но это прокатывает. Толстые лилово-синие губы Джамала расплываются в сочувственной усмешке.

— Мои соболезнования, мужик. Будешь?

Он вынимает из заднего кармана мятую шоколадную вафлю, и Алексей качает головой, борясь с накотившей непонятно откуда тошнотой:

— Не, спасибо.

— Мне больше будет, — пожимает плечами Джамал.

Он рвёт весёленькую жёлтую упаковку и швыряет её на пол, а вафлю засовывает в рот.

— Сейчас разве не Рамадан? — спрашивает Алексей.

— Рамадан, — радостно

соглашается Джамал.

Из его рта летят вафельные крошки.

Мимо проносится шумная стайка пятиклассниц.

Алексей отступает к библиотеке.

— Давай в двадцать одно? — кричит ему в спину Джамал.

— Не успею! — отзывается Алексей и рывком раскрывает дверь.

Библиотека кишит первоклашками. Они сидят верхом на пуфиках, лежат на полу, гроздьями виснут на креслах, передают друг другу книги про Петсона и Финдуса и галдят, галдят, галдят.

— Пидарас, — кричит кто-то по-русски, и все дружно смеются.

Это Алексей принёс в школу «пидараса», разбавил им чудовищно слитное «сукаблядьнахуйблядь».

Теперь малышня радостно перебрасывается этим словом, совершенно не понимая смысла и наслаждаясь звучанием. А вот те, которые постарше, именно ругаются, смакуя

всю силу оскорбления. Алексей смотрит на развешанные вдоль стен флаги, которые каждый год рисуют дошколята. Это должна быть такая работа с глобализацией, ценностью разных культур и прочим многообразием. Каждый рисует флажок своей родной страны, это мило и трогательно. А если ругаться на своём языке, ментор позвонит родителям. Лицемеры. Страна лицемеров.

Алексей проталкивается сквозь живое море малышей к противоположному выходу, поднимается по лестнице к люку, ведущему на крышу, и ради приличия дёргает замок. Заперто. Будто с крыши двухэтажной халабуды можно упасть и разбиться насмерть.

Будто тот, кто хочет разбиться, не знает с полсотни мест, где это можно сделать.

2

— Ты был на крыше, Алексей?

Маркус — единственный

в этой долбаной школе, кто произносит имя почти правильно. С ударением на второй слог вместо третьего, да, но не глотая звуки и не переиначивая. Даже учительница родного языка, будто издеваясь, зовёт Алёшей. Алексею хочется грубить ей, орать, чтобы называла нормально, но учительница старенькая, седая и по-идиотски беззащитная, она добрую половину урока с отсутствующей улыбкой рассказывает про своего брата, которого тоже зовут Алёша, и Алексею становится стыдно. Но вежливость он сохраняет не из-за стыда, а из-за страха: учительница тесно общается с мамой.

Маркус вызывает у Алексея смесь отвращения, брезгливости и ужаса. Это он — главный внешний враг. Это он — винтик в беспощадной Системе. Это такому, как он, сус² отдаст Алексея, если когда-нибудь займётся вплотную его семьёй.

— Тебе-то что, педик? —

2 социальная служба

лениво отзывается Алексей.

Впервые обозвав его так пару лет назад, Алексей в ужасе захлопнул рот и ещё несколько дней терзался ожиданием, а по ночам не мог спать, снова и снова представляя, как сус

изымает его за эту выходку и приводит жить к Маркусу. Нет, ладно, может быть, они его изымут не за сам факт обзывательства, а за то, что потом сделает папа. Но виноват-то будет всё равно он, Алексей. Его же

предупреждали! Кругом враги, следи за тем, что говоришь.

Но Маркус никому не пожаловался, поэтому Алексей продолжает обзывать его снова и снова, против воли испытывая судьбу. Точно так же против воли он царапает парты и стены, понимая, что нельзя, но не находя в себе силы остановиться. Куратор говорит, это тик. Куратора Алексей тоже ненавидит.

Алексей вызывающе смотрит на Маркуса, а тот поправляет ремешок перекинутой через плечо гитары и дружелюбно лыбится.

— Педик, — на всякий случай повторяет Алексей.

— Правда никогда не является ругательством, Алексей, — улыбается Маркус.

Это типичная западная манипуляция — улыбаться и повторять почаще имя собеседника, чтобы вызвать чувство ложного комфорта. Дома у Алексея почти никогда не улыбаются и редко зовут друг друга по

именам.

Маркус просовывает пальцы между ремешком от гитары и ярко-сиреневой футболкой. Ногти у него раскрашены по-дурацки чёрно-белым, чтобы было похоже на клавиши пианино. Алексей ненавидит Маркуса и всю музыку заодно.

— Педик, — упрямо повторяет он. — Это ругательство.

— Не-а, — улыбается Маркус. — Раньше было, пока его не стал употреблять Юнас Гардель³.

Алексей стискивает зубы. За слово bög⁴ от любого блатте⁵ можно получить в глаз, но эти толерасты действительно перевернули всё с ног на голову, папа прав. Послушайте только, как рассуждает тот пидор, которого допустили на

3 Юнас Гардель (Jonas Gardell, род. 02.11.1963) — шведский писатель, драматург, сценарист, актер, ЛГБТ-активист и популярный комик, выступающий в жанре «стэнд-ап»

4 педик (*швед.*)

5 иностранца неевропейского происхождения

радио! Как там его, Рогер⁶? Он специально присваивает все обидные слова, делает их нейтральными, обезоруживая нормальных людей, которых тошнит от извращений. В этом месте папа любит упоминать какое-то окно Овертона, но Алексею суть этого понятия не совсем ясна.

— Знаешь, кто такой Юнас Гардель? — спрашивает Маркус. Он будто нарочно не замечает, что Алексею противно с ним разговаривать.

— Педик.

— Педик, — кивает Маркус.

— Как ты, — мрачно цедит Алексей.

— Как я. Понимаешь, Алексей, люди либо являются педиками, либо нет. Сексуальная ориентация есть у всех, как цвет кожи. Её не выбирают, поэтому она не может быть ни хорошей, ни

6 Нильс Роджер Нордин (Nils Roger Nordin, род. 24. 04. 1977)

— шведский радиоведущий и журналист, открытый гей. Он представил несколько радиошоу, включая Rix Торр 6 и RIX MorronZoo

плохой, она просто есть.

Алексей чувствует, как внутри всё горит. Эту песню про толерантность он слышит регулярно. Раньше не выдерживал, протестовал, защищая свою правду. Если мама с папой говорят, что арабы — второй сорт, а негры — даже не люди, зачем учительница врёт? Вот пусть спросит у папы, раз такая дура, он ей расскажет!

Но папа краснел, извинялся, бормотал с ужасным акцентом, что никогда ничего подобного не говорил, заставлял извиняться и Алексея, а дома был совсем другой разговор.

Сейчас Алексей уже понимает ужасную иронию этого общества. Если говорить вслух, что не любишь педиков, тебя отдадут им, чтобы поглумиться. Если рассказать кому-нибудь, что тебя наказывают дома, тебя тоже отдадут педикам, чтобы поглумиться над родителями. Чтобы они всю жизнь страдали, зная, что их ребёнка наряжают в радужные парики и платья и

гоняют на парады.

Алексей никогда не видел Маркуса в платье, но это пугает ещё больше. Это значит, что кругом полно скрытых педиков, которых не распознаешь с первого взгляда. Не зря папа учит никому не доверять, держать глаза открытыми, а рот — закрытым.

Мир родителей вообще полностью разложен по полочкам. Мама с папой живут на свете давно и знают, что хорошо, а что плохо. Они учат не дружить с Джамалом, потому что он — бескультурная обезьяна. Они учат не дружить с Туре, Мальте и остальными, потому что для «золотой молодёжи» бескультурной обезьяной является сам Алексей. Они учат не доверять Маркусу, но держать это при себе, потому что в этой дикой стране педикам разрешено работать учителями.

Алексей всё чаще чувствует, что запутался. Когда он обзывал Джамала негром, потому что слышал это слово дома, его били по два

раза: сначала сам Джамал — кулаками, потом папа — ремнём. Теперь Алексей делает вид, что относится к Джамалу нормально, чтобы не было проблем. Но на самом деле он делает вид, что делает вид, потому что ему нравится играть в двадцать одно, нравится приходиться к Джамалу в гости и есть руками душистый кускус и рис из общего котла.

И с «золотой молодёжью» всё сложно. Теперь мама и папа хотят, чтобы Алексей держался к ним поближе, авось да перепадёт немножко репутации и хорошего отношения учителей. Это важно, потому что скоро нужно пробиваться в гимназию. Но Алексей всё ждёт от шведов подвоха, снисходительной жалости, оскорблений, а их нет. И особого отношения к благополучным тоже нет, учителя одинаково ругают Туре и Джамала за беспорядки в столовой и одинаково хвалят за успехи в соревнованиях.

С Маркусом пока просто.

Он — враг. Изворотливый, притворяющийся хорошим, а потому особенно опасный враг. Алексею хочется ударить его побольнее.

Алексей молчит, продумывая изящный ответ.

— На крыши сейчас лучше не ходить, — говорит Маркус.

— Там чайки выводят птенцов.

Алексей хочет крикнуть, что специально пойдёт на каждую сраную крышу и скинет вниз каждое сраное яйцо. Он хочет посмотреть, что отразится на лице этого поганого педика.

Маркус смотрит на огромные часы в конце коридора и притворно охает:

— Опаздываю на урок! Приятно было поболтать, Алексей.

Он идёт в сторону музыкального зала, не дожидаясь ответа, и Алексей кричит ему вслед по-русски, потому что уж эти-то слова никакие Юнасы и Рогеры ещё не сделали хорошими:

— Сука! Пидор блядский, защеканец, петух, педрила!

В мужской раздевалке пахнет резиновыми подошвами, подростковым потом и ещё чем-то затхлым, вьёвшимся в стены. Так же пахнет и коридор, ведущий к спортзалу, и сам спортзал.

К самой физкультуре Алексей относится ровно, а вот раздевалку всей душой ненавидит за это вечное столпотворение, за вонь, за общий душ без перегородок и шторок. Считается, что только девчонкам есть что скрывать, и в их раздевалке неравнодушные родители хотя бы пытаются вешать шторы. А если ты пацан, сам прячь свою поротую задницу как знаешь, никого твои проблемы не волнуют.

Алексей садится на ребристую скамейку, расписанную акриловыми маркерами. Малолетние вандалы всегда запасаются акриловыми маркерами, а не спиртовыми, потому что дерево тут тёмно-коричневое. Шведские kuk⁷ и fitta⁸ соседствуют

7 хуй (швед.)

8 пизда (швед.)

с многочисленными польскими kurwa⁹ и испанским chungo¹⁰. Кое-где попадаются чьи-то инициалы и номера телефонов, а ярче всего сверкает выведенный неоновым розовым «ПИДОР». Как раз на него Алексей приземляется самым жирным синяком, но даже не кривится: был готов.

— Эй, Мальте! — кричит Туре.

Мальте сидит всего в полуметре от него и не может не слышать, но Туре всё равно орёт во всю мощь:

— Эй, Мальте!

Голос его смешно срывается, пацаны гогочут — и Алексей вместе со всеми.

— Мальте, а я ведь не забыл! — провозглашает Туре и лезет в рюкзак.

— Что там? — оживляются пацаны.

Они кидаются к Туре, полураздетые, путающиеся в шортах, толкаются и ржут.

Алексей пользуется моментом и быстро переодевается, практически 9 блядь (польск.)
10 уебищный (исп.)

не отлепляясь от скамейки.

— Не-не-не! — вопит тем временем Мальте.

— Уговор есть уговор! — возражает Туре.

Алексей вешает рюкзак на погнутый крючок и наконец поднимается, чтобы тоже стать частью восторженной толпы.

Он старается не смотреть на оголённые тела, но они всё равно жгут глаза. Алексей отгоняет от себя непонятную тревогу и кричит:

— Эй, Туре, что там?

В толпе полагается кричать.

— Та-дам! — Туре торжественно поднимает над головой скобяной пистолет.

Алексей сглатывает.

Вчера они устроили соревнование в дартс. Туре победил, а вот Мальте не попал ни разу. Теперь пора расплачиваться.

— Сши-вай! Сши-вай! — скандируют пацаны.

— Да стойте! — кричит Мальте, поднимая руки. — Я не хочу никакого сраного заражения крови!

— Я обо всём позаботился,
— смеётся Туре.

Он вынимает из того же рюкзака антисептик, щедро поливает им скобы и заряжает пистолет.

— Ай, господи, — закатывает глаза Мальте.

Потом он встаёт коленями на лавку и рывком заголяет зад.

Алексей пытается снова сглотнуть — не получается.

Мальте распластывается руками и грудью по стене, картинно оборачивается, оттопыривает зад. Мальте рыжий, и кожа на заднице у него молочно-белая.

— Давай, стреляй!

Туре не торопится. Он выливает антисептик на ладонь, небрежно смазывает Мальте левую ягодицу, почти без паузы смачно шлёпает, и все хохочут.

Кроме Алексея.

Парни почему-то часто так шутят, шлёпают друг друга то линейками, то ракетками для пинг-понга, и каждый раз Алексею мерещится, будто это они лично ему намекают, что обо всём знают.

— Стреляй! — умоляюще тянет Мальте.

Алексею вдруг кажется, что надо за него заступиться, сорвать всю эту затею, не позволить Туре выстрелить.

— Ну давай уже, не томи!

Мальте призывно виляет задницей, и Алексей понимает, что они все в игре. Мальте не только готов пожертвовать собой, он этого жаждет. Больной.

Туре смазывает антисептиком правую ягодицу, и Алексей отчётливо чувствует прикосновение ладони к бледной, покрытой напряжёнными мурашками коже. Он подаётся вперёд, жалея, что сейчас на сцене только Туре и Мальте.

Если бы остальные пацаны участвовали, он бы тоже...

Фу, мерзость!

Мерзость, мерзость, мерзость.

Алексей до боли стискивает челюсти, а Туре уже прикладывает носик скобяного пистолета к ягодице, вдавливая его и жмёт на рукоятку.

Пистолет щёлкает

пружиной, Мальте дёргается и отчаянно ругается. Туре издаёт победный вопль и отступает, демонстрируя блестящую металлическую полоску прямо посреди ягодицы.

— Следующая, — объявляет Туре.

— Э-э! — возмущённо вопит Мальте.

— Пятое место — пять скоб, — строго говорит Туре.

— Да ладно, вообще терпимо, — неожиданно покладисто соглашается Мальте и снова подставляет зад.

Толпа улюлюкает.

Туре стреляет снова и снова, рисуя скобами что-то вроде эмодзи: по глазу в верхних частях ягодиц, подобие улыбки в нижних. Средняя часть улыбки ему не удаётся: сшить ягодицы между собой не получается, Мальте вопит о том, что он ещё планирует этой жопой срать, не надо её зашивать, толпа негодует.

С Алексеем творится неладное. Он ёрзает и нервно одёргивает на себе футболку. По телу бежит

липкими струйками пот.

— Ладно! — кричит Туре и выстреливает пятую скобу наобум, портя рисунок. — Следующий!

— Эй, а достать? — возмущается Мальте.

Он изгибается и пытается сколупнуть скобы самостоятельно, а рядом на скамейку уже взгромождается Луке, у которого было четвёртое место.

— Неженка! — кричит он Мальте. — Смотри, вот как надо!

Алексея уже откровенно трясёт.

Луке получает свои четыре скобы и торжествует:

— Даже не почувствовал! Ерунда!

— Третье место! — объявляет Туре. — Алекси, камон!

Алексей на мгновение представляет, как тоже влезает на скамейку и заголяется, показывая публике синяки от пряжки.

— Да пошли вы! Педики! — кричит он. — Сам подставляй жопу, сраный гомик!

— Э, мужик, ты чего? Это же прикол! — удивляется Джамал.

— Слово надо держать, — немного обескураженно говорит Туре, держа на отлёте пистолет.

Алексей срывает с крючка свой рюкзак, прижимает его к животу и пятится к выходу, выкрикивая:

— Пошли вы! Сборище поганых педиков!

4

Туре извиняется в тот же день, пихает Алексея плечом и говорит:

— Это же шутка была, без обид, да?

Алексей молчит. На физкультуру он так и не пришёл, пересидел в туалете. Значит, физрук поставит прогул, маме с папой придёт уведомление.

— Скобы хоть вытащили? — спрашивает Алексей и пытается не представлять себе голую задницу Мальте, прошитую металлическими полосками.

— Да легко вообще, я из копировальни спёр такую штуку. — Туре изображает

пальцами хватательное движение.

— Круто, — без энтузиазма кивает Алексей.

Когда в школе проходили половое созревание, мама старалась держать его дома, но изворотливая Система всё учла, Алексею восполнили пробелы на дополнительных уроках. Из потока совершенно немыслимой информации Алексей запомнил одну важную вещь: поллюции и внезапные стояки случаются у всех — это раз; стояки бывают не только от возбуждения — это два.

Сейчас он пытается цепляться за это знание, потому что альтернатива совсем поганая. Но можно ли верить источнику, который также утверждает, что быть педиком и даже менять пол — нормально?

Это происходит снова, и Алексей буквально заныряет в шкафчик.

— Эй, Алекси, ты что там потерял? — спрашивает Туре.

— Карандаш, — дрогнувшим голосом врёт

Алексей.

— Давай дам запасной.

— У меня есть!

Алексей с грохотом захлопывает дверцу, сшибив повисший на дужке замок, и убегает.

Он лежит на холодной мшистой скале за заправкой и пытается прогнать все мысли, а физрук тем временем заполняет «Декстер»¹¹. Это точно физрук, потому что математика, которую Алексей тоже собираются прогулять, ещё не началась. Физрук регистрирует урок, маме с папой прилетает уведомление, папа звонит Алексею. Простая и понятная схема.

Телефон в кармане вибрирует долго и требовательно, и Алексей наконец отвечает.

— Ты почему не на уроках? — без предисловий спрашивает папа.

В трубке слышен гул и грохот — папа на работе.

— Я физкультуру прогулял,

— честно говорит Алексей.

— Почему?

11 электронный дневник

Теперь, когда толика правды прозвучала, можно подмешать вранья и недомолвок. Иногда прокатывает.

— Я... ну, не смог переодеться, — бормочет Алексей. — На меня всё время смотрели. Я подумал...

Папа молчит.

— Мог бы и так пойти, — наконец говорит он.

— Всё равно сегодня были kullerbyttor, — говорит Алексей. — Вдруг майка задерётся.

— Кувырки, — устало поправляет его папа. — Зачем ты только ходишь на модешмоль¹², если ничему там не учишься?

Алексей хочет сказать, что с радостью бросит русский, а ещё — что ему никогда ещё не приходилось употреблять слово «кувырки», хотя оно не кажется незнакомым.

Вместо этого он покорно говорит то, что должен:

— Извини.

Папа снова тянет с ответом. Наверное, взвешивает, какое из двух зол хуже: прогулять 12 modersmål — родной язык (швед.)

урок или показать всем следы побоев. В том, что на спине вздулся рубец, виноват сам Алексей, это понятно: не надо было вырываться и пытаться сбежать.

Папе досадно, потому что он всегда подходит к делу ответственно и бьёт аккуратно. Но они оба понимают, что такой аргумент не прокатит, если в дело вмешается сус.

Наконец папа говорит:

— Анжелику можешь сегодня не забирать, пианино отменили. К шести домой приди.

Это значит, что наказания за прогул не будет. Надо только собраться с духом и сходить на математику, чтобы не было новых залетов.

Алексей прислушивается к себе, ожидая почувствовать радость, облегчение или хоть угрызения совести.

Он не чувствует ничего.

5

В машине тесно и душно, пахнет прелыми сиденьями и псиной. Алексей дёргает туда-сюда

рычажок стеклоподъёмника — безрезультатно, потому что задние двери заблокированы. Если бы не были заблокированы, он и не дёргал бы: себе дороже.

Мама отчитывает Анжелику. Не коротко и по делу, как это бывает перед поркой, а долго и нудно, выедая мозги ложечкой, потому что на наказание вроде как не наскреблось, а отыграться хочется.

Анжелику чаще ругают, чем бьют. Может, это из-за того, что она младшая и девочка, а может, у неё просто такой характер. Она редко залетает по-крупному, но выбешивает родителей по мелочам, особенно маму.

Алексей не особо вникает в суть спора. Всё равно мама будет бубнить до тех пор, пока ей самой не надоест. Может, Анжелика даже и не сделала ничего, просто настроение такое.

Щёлк-щёлк. Окно могло бы ездить туда-сюда, если бы двери не были заблокированы. Щёлк-щёлк.

— Не понимаю, как можно быть такой неумной и... Ой,

смотрите, рояв¹³!

Мама тычет пальцем в сторону полей, мимо которых они проезжают.

— Rådjur, мам, — поправляет её Алексей.

Интенсивно, будто подгоняя, щёлкают поворотники. Папа съезжает на обочину и останавливается.

— Ну-ка вышел из машины.

Алексей пытается сглотнуть, но в горле будто картофелина застряла.

— Вышел из машины, — повторяет папа.

Двери по-прежнему заблокированы.

— Пап...

— Поговори мне так с матерью!

Алексею видно, как папины пальцы сжимают руль. Мама ужасно плохо говорит по-шведски, заикается и иногда даже плачет от нервов. Но в то же время она обожает языки и щедро пересыпает русскую речь шведскими словами, а шведскую — русскими.

Рядом обеспокоенно
13 очень искажённое rådjur — косуля (швед.)

вытягивает шею Анжелика.

Она то ли высматривает заявленную косулю, то ли пытается понять, в каких условиях придётся топтать до города брату.

— Что язык в жопу засунул? Только с матерью смелый? Выметайся давай, я тебя дальше не повезу, — говорит папа.

— Жень! — Мама умоляюще кладёт руку папе на плечо и нервно оглядывается на Алексея. — Поехали, а то опоздаем, я же ещё хотела в лоппис¹⁴.

Папа молчит, ещё сильнее сжимая руль. Руки у него будто из канатов скручены, сплошные напряжённые жилы.

Алексей отворачивается к окну и разглядывает проросшие сквозь асфальт одуванчики с красноватыми, похожими на червей стеблями.

— Мам, прости, я не хотел, — едва слышно говорит он.

Поворотники щёлкают снова. Папа смотрит в зеркало на дорогу и встречается взглядом с

14 loppis — секунд-хенд (швед.)

Алексеем. Алексей быстро опускает глаза.

— Надо будет купить ещё хэльймедель¹⁵. — Мама старательно выговаривает сложное слово.

Папа выжидательно барабанит пальцами по рулю.

Алексей молчит.

Мама замолкает тоже.

По встрече проносятся одна за другой машины, чиркают по лицу фарами.

— Нет, я всё-таки не понимаю, Анжелика, — начинает мама, снова включив свою сварливую, долбящую по нервам интонацию.

Алексей косится на сестру. Та уронила голову на плечо и чуть приоткрыла пухлые губы, ремень безопасности впивается в тонкую шею.

Мама продолжает отчитывать, не получает ответа и оборачивается. Видит Анжелику и уже совсем другим, нежным тоном говорит:

— Уснула, солнышко.

В машине снова становится
15 sköljmedel — ополаскиватель
(швед.)

тихо, но последняя реплика всё крутится у Алексея в голове. Ему жаль Анжелику, которой не досталась эта капля тайной нежности. Настоящие чувства — они всегда не напоказ. Все эти прилюдные обнимашки, поцелуи, признания в любви — западная мишура, а настоящее — вот оно, вскользь, украдкой.

Алексей закрывает глаза. Он не ждёт, что его тоже назовут солнышком и умилятся. Он понимает, что это было бы уже не то. Настоящие моменты бывают редко и спонтанно. Но он всё равно вслушивается в шуршание шин и надеется хотя бы почувствовать на себе любящий взгляд.

Он засыпает по-настоящему, так и не дождавшись.

6

На обеденном перерыве Туре, Мальте и остальные собираются в «Сёркл Кей». Алексей медлит, спрятавшись за дверцей своего шкафчика, и парни наконец уходят.

— Алекси, ты идёшь?
— спрашивает Сванте,
поигрывая тонкими
пальцами Амелии. — Мы в
кафетерий.

Сванте и Амелия вечно
держатся за руки и
тискаются, чтобы ни у кого
не возникало сомнений:
они встречаются. Сванте
полноватый, с сальными
кудряшками и в шляпе,
Амелия — в огромных
очках и с выкрашенными
до стеклянной ломкости
волосами. В принципе они
почти нормальные, когда не
лижутся, и Алексей мог бы
пойти с ними.

В кармане требовательно
вибрирует телефон.

— Идите, я не хочу, —
говорит Алексей.

«Забери Анжелику с
фритидса¹⁶».

Алексей начинает набирать
ответ, но мама уже шлёт
вдогонку следующее
сообщение: «Ей сегодня к
тандлэкарэ¹⁷».

Алексей закатывает глаза.
Ну неужели маме не проще
16 fritids — продленка (швед.)
17 tandläkare — стоматолог
(швед.)

написать по-русски!

«В три».

Алексей уже не пытается
отвечать, просто ждёт.

«В коммюнкюсете¹⁸».

«Ты меня понял?»

«Напиши!»

Алексей выдыхает и пишет:
«Понял».

«Так заберёшь или нет?!»

Фоном вклинивается папа:
«Физику не забыл? У тебя
сегодня контрольная».

«Помню».

Снова мама: «Что ты
молчишь!»

Очень хочется швырнуть
телефон об стенку. И пусть
новый не купят, так даже
лучше.

«Извини. Заберу и отведу.
Мне надо готовиться к
контрольной».

От мамы прилетает эмодзи
с пальцем вверх.

И от папы: «Только
попробуй не сдать».

На стене возле
шкафчиков болтаются
чуть увядшие воздушные
шарики. В пятницу на
продлёнке у малышни
была дискотека, никто за
18 kommunhuset — ратуша
(швед.)

собой толком не убрал. Алексей тычет пальцем в дряблый ярко-голубой бок самого усохшего шарика. Резина обволакивает, поглощает, липнет к коже, и Алексей с отвращением отдёргивает руку. В месте прикосновения на шарике остаётся уплотнение с разбегающимися лучиками морщинок. Алексей тычет шарики снова и снова, делая их безобразно бугристыми и упиваясь разрушительностью своего прикосновения.

— Здравствуй, Алексей.

Маркуса не было недели две. На замену прислали какую-то истеричку, которая на всех орала и запрещала подходить к музыкальным инструментам.

Старшекласники дружно закидывали её карандашами и жёваной бумагой, требуя назад Маркуса. Алексей тоже кидал, но чисто из неприязни к ней и боязни отбиться от толпы. Про Маркуса уже начали ходить слухи: то он умер от короны, то переехал, то наконец спалился, щупая какого-

нибудь смазливого ученика, и сел. Последнюю версию выдвинул Алексей, но её не поддержали.

— Ты что, братик, совсем на солнце скис? — спросил Джамал. Остальные просто промолчали, как молчат на того, кто оконфузился, публично срыгнув.

И вот Маркус снова здесь, улыбается как ни в чём не бывало и привычно поправляет ремешок от гитары, будто он ему жутко трёт плечо. Солнце золотит тонкие волосы вокруг плешки и подхватывает блики пайеток на футболке.

— Где ты был? — хмуро спрашивает Алексей и не может не добавить обвиняюще: — У нас уже два урока пропало.

— Боже мой! — восклицает Маркус. — По мне скучали!

Настроение у него отвратительно хорошее, и солнце теперь подхватывает и искорки в глазах. Алексею очень хочется сделать ему больно, надавить, чтобы оставить после себя уродливый отпечаток.

Маркус продолжает глупо

улыбаться.

— Я надеялся, ты сдох. Просто могли бы взять на твоё место кого-то нормального, — бурчит Алексей, чувствуя себя глупым и упрямым ребёнком. — Та сраная тётка

ещё хуже тебя.

— Алексей, — начинает Маркус.

— Меня зовут Алексей, а не Алéксей, — выкрикивает Алексей.

— Алексей, — тщательно выговаривает Маркус.

— Извини, я попытаюсь произносить правильно.

— Иди ты на хер! — орёт Алексей и с силой отталкивает Маркуса, бежит к лестнице, ведущей вниз, к главному выходу.

Глухо стучается о стену и жалобно звенит струнами гитара.

7

Алексей берёт себя в руки уже возле выхода. Он не останавливается, но с бега переходит на шаг. Проходит мимо полок с обувью, толкает тяжёлую дверь.

Во дворе людно, перемена сейчас почти у всех средних и старших классов. Старшекласники, правда, почти все отсиживаются в коридорах, а выходят чаще покурить и затариться фастфудом. Исключения составляют парни-спортсмены.

Алексей поворачивается к футбольному полю. Было бы неплохо сейчас попинать мяч, выплеснуть хоть немного напряжения. Похоже, матч в самом разгаре, и Алексей трусцой

бежит к заборчику, огораживающему поле.

Играют в основном парни из девятого «А», со многими из них Алексей ходил на продлёнку, а с Вильмером ещё и на гандбол. С гандболом не сложилось, но с Вильмером они до сих пор нейтрально здороваются при встрече.

Вильмер бежит почти навстречу Алексею, стаскивает с себя вымокшую кофту и вешает её на заборчик. Алексей ждёт приглашения или хотя бы приветственного кивка, но Вильмер его даже не замечает, будто Алексей вырезан из той же фанеры, что и кособокие трибуны. Приглаживает мокрые от пота волосы, одёргивает футболку, смотрит прямо сквозь Алексея, снова поворачивается к полю и зычно кричит:

— Эй, Вилле! Пас!

Алексей бредёт обратно к двери. Из него уже не рвётся отчаянная потребность делать хоть что-то: кричать, ломать вещи, пинать мяч. Внутри тихо и пусто.

— Он уже вернулся, я его сегодня видела, — доносится из арки, ведущей к кабинету труда.

— Болел?

— Нет, у него, кажется, умерла мама.

Алексей говорит себе, что это не про Маркуса. В школе, наверное, тысяча учеников и куча персонала, мало ли о ком это!

На всякий случай Алексей ускоряет шаг. Он не хочет услышать, как подтверждаются его опасения. Он не хочет думать про Маркуса — поганого гомика, так ему и надо — и чувствовать угрызения совести.

Снова вибрирует телефон.

«Скажи Анжелике, пусть готовится».

Алексей даже не пытается думать, что папа имеет в виду стоматолога. Если бы речь шла об этом, он бы так и написал. Папа всегда выражается конкретно, а тут — «пусть готовится». Это значит, что сестра сегодня получит ремня.

Алексей не поднимается по ближайшей лестнице, чтобы

не столкнуться с Маркусом. Вместо этого он идёт через столовую и кафетерий. Огибает неудобные стулья с низкими спинками, выкрашенные мрачной тёмно-серой краской столы, закрытую бордовым бархатным занавесом сцену, позолоченное пианино. Стена за пианино увешана рисунками третьеклассников на тему «Моя семья».

Линии раздачи в столовой уже закрыты, за опущенными рольставнями звенят столовые приборы и шумит вода.

«Пусть готовится».

Алексей не хочет передавать это Анжелике, но понимает, что папа так поступает не со зла. Просто ожидание наказания — важная часть воспитания, а своего телефона у Анжелики нет, приходится предупреждать через посредника. Не через Камиллу же передавать!

Алексей долго стоит перед рисунками, разглядывает кривобокие фигурки и надписи. Рисунок Анжелики — самый яркий и радостный,

щедро присыпанный
цветными блёстками.
Все улыбаются и крепко
держатся за руки, у всех
всё хорошо. Алексей тоже
раньше рисовал такое, в
панике добавлял сердечек
и улыбок, чувствуя на себе
пристальные взгляды суса
и почти видя длинную
очередь педиков, только и
ждущих, когда очередной
ребёнок лопухнётся и
намалюет семью одним
чёрным фломастером, без
радостных обнимашек.

— Алекси!

— Эй, мужик, проспишь
контрольную!

— Давай скорее!

Алексей вздрагивает,
задирает голову. Джамал,
Мальте и Туре яростно
машут ему с галереи второго
этажа.

— Иду! — кричит Алексей.

Пропускать контрольную
никак нельзя.

8

— Ну как, готов? —
спрашивает Мальте.

— Да, — врёт Алексей и
поскорее проскальзывает в
кабинет.

Наяву то самое,
омерзительное и
неправильное, о чём Алексей
пытается не думать, больше
не происходит, но пару раз
в неделю он просыпается
досадно мокрым, с
пульсирующими в голове
картинками. Он старается
избегать Мальте, старается
не думать и не вспоминать.

На полпути к парте его
снова насквозь прошивает
картинкой из раздевалки.

— Эй, Алекси, ты куда это?
— кричит Эрик.

Алексей проталкивается
мимо своего места к самому
углу. Там обычно сидит
прыщавый аутист Арон, но
его сегодня нет в школе.

— Ты чего, мужик? —
спрашивает Джамал,
подходя поближе.

— Да я просто... Я не учил,
тут списать реальнее, — врёт
Алексей.

Сегодня он только и делает,
что врёт.

Из подсобки выходит
Мария. Она привычно
задевает боком скелет, класс
привычно фыркает.

— Прошу прощения, —
вежливо говорит Мария

скелету. — Морис, закрой дверь, пожалуйста.

— Ещё не все пришли, — лениво тянет Морис.

Мария красноречиво кивает на часы. Морис закрывает дверь.

— Все помнят, что сегодня контрольная? — спрашивает Мария.

Класс нестройно и шумно кивает.

— Ты передумала? — с надеждой выкрикивает Туре.

— Не с вашим счастьем. Ну-ка встали все у стенки.

Слышатся возмущённые вздохи, народ неохотно поднимается и идёт к задней стене. Алексей и так сидит возле неё, ему нужно только встать.

— Шпаргалки будешь искать? — интересуется Сабрина и быстро обрывает что-то с нижней стороны столешницы.

— Лучше, — говорит Мария. — Луке.

— А?

Мария манит его к себе и указывает на парту у окна. Луке непонимающе передёргивает плечами и садится.

— Сабрина.

Сабрина тащится к указанному месту, по пути с гримасой кладёт шпаргалку в протянутую ладонь Марии.

Мария рассаживает хаотично, почти все оказываются на чужих местах.

— Алекси.

Алексей покорно садится за парту в самом центре класса. Всё равно он не собирался списывать.

— Мирна... Йонте... Мальте.

Палец Марии указывает на стул рядом с Алексеем.

— О, нормально!

Мальте расслабленно опускается на стул, и Алексей немедленно воображает, что скобы до сих пор впиваются в нежную белую задницу. По телу пробегает знакомое волнение.

— Можно я пересяду?

Мария нетерпеливо шикает, оглядывается, выбирая место для Джамала.

Алексей в панике поднимается. Он не может здесь сидеть, не может это чувствовать, как они не понимают? Это неправильно,

противоестественно, мерзко!

— Алекси, сядь на место!

Алексей рывком
переворачивает парту.

Грохот стоит ужасный,
будто обрушилось как
минимум сто парт.

Вздрагивает и сжимается в
комок Сабрина. Ойкает кто-
то из девчонок, до сих пор
стоящих у стены.

— Мужики-ик... — тянет
Джамал.

— Алекси, сядь сейчас
же! Поставь парту на место
и сядь, — жёстко говорит
Мария.

Алексей мотает головой.
Сметает с соседней парты
карандаши и бумагу в
клеточку, на этот раз не
швыряет, а просто толкает
парту на другие. Те, кто
успел рассесться, в панике
вскакивают, кто-то выбегает
в коридор.

Алексей уже плохо
соображает. Он просто
выталкивает то нехорошее,
засевшее в голове и не
только, другим. Чем угодно
другим.

Парты и стулья грохочут
и падают. Гремит костями
скелет. Что-то звенит и

бьётся.

Сзади кто-то мощно
обхватывает за плечи.

— Всё, мужик.

— Пусти! Пусти меня! —
орёт Алексей.

— Спокойно, — говорит
Джамал.

Из-за этого в Алексее
вспыхивают ярость и паника,
он брыкается, орёт то по-
русски, то по-шведски.

— Мне придётся позвонить
твоему папе, — говорит
Мария.

— Не надо!

Алексей в ужасе застывает,
позволяет осознанию
скатиться в самые глубины
опустошённого мозга и глухо
звякнуть в тишине.

— Всё, — тихо говорит он
и аккуратно отлепляет руку
Джамала от плеча.

Джамал отпускает.

Джамал нагибается
и поднимает одну из
перевёрнутых парт.
Медленно, по одному
вырисовываются из небытия
остальные одноклассники,
тихо расставляют мебель,
собирают рассыпавшиеся
карандаши. Сабрина ставит
на место скелет. Туре

аккуратно сметает в совок осколки колбы.

Алексей поворачивается к Марии, чувствует, как горло сковывает безмолвием, и с трудом выталкивает из себя слова:

— Не надо. Звонить.

Пожалуйста.

— Садитесь, — говорит Мария, — у нас мало времени.

Народ рассаживается молча и безропотно, на Алексея никто не смотрит.

Изнутри нестерпимо жжёт, не хватает воздуха, хочется плакать, но слёз нет.

— Садись, Алекси, — говорит Мария и указывает на свободный стул рядом с Мальте.

Алексей мотает головой и отступает к двери.

В коридоре дышать не легче. Алексея будто с головой окунули в море, всё вокруг тяжёлое, медленное и какое-то тягучее. В ушах звенит. Почему-то мешают швы на одежде. Язык липнет к нёбу.

Алексей бредёт мимо запертых дверей, ведёт рукой по застывшим

потёкам краски на стене, обдирает попадающиеся на пути бумажки: расписания, таблички, рисунки.

Школа закольцованная, если всё время идти вдоль коридора, рано или поздно окажешься в том же месте, с которого начинал. Алексей наматывает несколько кругов, спускается на первый этаж, потом снова поднимается, ходит и ходит, пытаясь убаюкать мысли.

Телефон яростно вжикает в кармане, и Алексей заранее знает, кто и что ему пишет.

Он всё же смотрит на экран и убеждается в своей правоте.

«Дома поговорим».

Коридор наполняется шумом, и Алексей забивается в нишу между книжным шкафом и дверью, садится на пол, пока ещё может сидеть.

Сегодня надо будет забрать Анжелику с продлёнки, отвести её к стоматологу, потом ждать, пока папа вернётся домой, ждать, пока поужинает, ждать, пока накажет Анжелику...

Алексей боится

представить, что ему будет за погром в кабинете и за пропущенную контрольную. Но это ещё не худшее. Страшнее всего будет жить дальше. Жить, зная о себе то, чего не должен узнать никто, презирать себя, ненавидеть. Бояться, что мама с папой

когда-нибудь узнают. Знать, что они обязательно узнают, и ждать.

Горечь всё жжёт изнутри, но не выплёскивается. Мимо шагают равнодушные ноги — в грязных белых носках, в рваных чёрных, в розовых колготках. Никто

не замечает Алексея. Даже знакомые ноги в дурацких деревянных башмаках и разноцветных носках — и те идут мимо. Алексей готов выть от досады. А чего он ждал? Сочувствия? Жалости? Так ему и надо.

Деревянные башмаки стучат себе по коридору, останавливаются в паре метров — не из-за Алексея, конечно. Просто он как последний дурак расселся рядом с музыкальным залом.

Раздаются приветственные вопли, и Алексей отчётливо понимает, что хочет сдохнуть, лишь бы не терпеть самого себя. Это он неправильный, а не Система. В нём проблема.

Коротко пикает блип¹⁹, открывается дверь, до Алексея доносится негромкий голос Маркуса:
— Начинайте без меня, аккорды на столе у рояля.

Снова стучат деревянные башмаки, но уже мягче, аккуратнее. Маркус останавливается перед Алексеем, садится рядом,

19 Blipp — ключ для электронного замка (*швед.*)

вытянув ноги.

Алексей поднимает глаза.
— У всех в жизни бывают дождливые дни, Алексей, — говорит Маркус, и Алексей наконец плачет, плачет горько и отчаянно, уткнувшись лицом в расшитый пайетками рукав.

ОТРЕЗВЛЯЮЩАЯ СВОБОДА

Он заворачивает за угол во двор дома, въезжает в ажурные черные ворота, проезжает вперед, едет прямо, снова заворачивает направо. Он делал так уже тысячу раз много лет, каждый вечер, въезжая в эти ворота и каждое утро выезжая из них, он жил здесь – и только сегодня ему кажется неестественным этот набор действий. Ладони потеют и скользят по рулю, когда он паркуется.

Рыжеволосая уже седеющая женщина в синем пальто открывает дверь салона и садится внутрь, тяжело выдыхая.

Она молчит и смотрит на него. Ему некомфортно и странно – эта женщина никогда не молчит. Она такая же рыжая внутри, как и снаружи. Громкая, звонкая, яркая. Сейчас у нее мешки под глазами, осунувшееся лицо, и бледно-коричневые

брови не накрашены. И она уже начинает сесть. В его голове не укладывается, как же так, что она уже начинает сесть. Он стучит пальцами по рулю. Ненавидит тишину.

– Ты скажешь мне наконец, что случилось?

Он звучит раздраженно, как и всегда, когда нервничает. Слово его вырвали с важной деловой встречи посередине заседания ради какого-то пустяка. Он хмурится, стреляет глазами, косится, но прямо не смотрит. Ждет.

Женщина мнется, аккуратно подбирая слова – это чувствуется. Шмыгает носом.

– Мне позвонила мама. Сказала, Женя ей признался, что он другой ориентации.

Внутри у него ничего не взрывается, не переворачивается. Ярость не теплится в груди. Пауза, тишина. На дисплее автомобиля пово-

ротники мигают зеленым
 – он таращится в точку, пока
 периферийным зрением не
 перестает что-либо воспри-
 нимать. Тоска обволакивает
 салон, когда он сжимает кон-
 чиками пальцев переносицу.

– Ты знаешь, ты позвонила
 мне, я ехал и знал, что имен-
 но это ты мне и скажешь.

Она берет его за руку, и
 холод ее кожи приводит в
 чувства. Он смотрит ей в гла-
 за, пытаясь отыскать в них
 правильные слова и верную
 реакцию. Она всегда была
 для него мерилom и показа-
 телем, женщина – кремень,
 стержень, мотивация. Но он
 смотрит на нее, и в ее лице
 так ясно читается растерян-
 ность – она пугает его, он
 не знает, что с этим делать.
 Пытается понять, осознать,
 увериться.

Его сын, его сын, его сын
 Другой ориентации.

Его сын, его сын, его сын
 Не любит девушек.

Его сын, его сын

Его мальчик

Гей.

Он смотрит на нее – и у
 них одновременно намокают
 глаза.

Подросток в ярко-красном
 шарфе идет по Кутузовскому
 проспекту. На нем большие
 желтые наушники, музыка
 доносится из динамиков,
 если подойти близко. Женя
 пытается заглушить громкой
 мелодией свой дискомфорт,
 но он все равно замечает
 изменение мимики каждого
 проходящего незнакомца,
 который достаивает его из-
 лишним вниманием. Неко-
 торые люди косятся на него,
 некоторые закатывают глаза,
 некоторые улыбаются. Мно-
 гие окидывают его взглядом
 с ног до головы. Ему хочется
 поехать домой и закрыться в
 комнате. Ему хочется пере-
 одеться и снять шарф – ему
 уже трижды сказали сегод-
 ня, что шарф женский, а не
 мужской.

Этот город, эта страна, это
 общество. Оно учит при-
 нимать удар, защищаться,
 огрызаться, стоять за себя.
 И оно провоцирует его отве-
 чать, давать сдачи.

У Жени пока получается из
 ряда вон плохо. Ему тринад-
 цать, и он не умеет драться.

Он не хочет, чтобы вся его жизнь была борьбой. Он этого не просил. Он этого не выбирал.

Женя старается не быть собой, когда надевает серый костюм в школу. Учится не выделяться, когда общается с одноклассниками. Он старается, так чертовски сильно старается угодить отцу, когда соглашается на секцию по футболу, смотрит с ним фильм «Рокки» про бокс, изображая интерес, и приносит дневник, идеально исписанный цифрой пять в каждой строке.

Девочки лучезарно улыбаются, когда разговаривают с ним. Каждая старается сесть на уроках поближе, спрашивает совета по литературе и интересуется, как дела. Он умеет рассмешить, внимательно выслушать, грамотно понять. Когда девочка проходит через стадию влюбленности в того, кто умеет открыто общаться, притягивать к себе и при этом является представителем противоположного пола, – она обнаруживает, что Женя – отличный друг.

У него много друзей в школе, и все они такие чудесные, славные и красивые. Женя терзается мыслью: «Но почему ни одна из них не нравится мне?» Он знает, что все было бы проще, если бы он мог испытать симпатию хоть к одной девочке.

Парни не принимают его в свой клуб, но в целом его это не сильно беспокоит. Он все равно ни черта не смыслит в спорте, тачках и никогда не понимает их шуток.

В конце шестого класса он приходит к маме и говорит ей, что не хочет заниматься футболом. Ему тяжело. Ему не нравится. Женя обещает найти секцию сам, учиться только на отлично, если они с отцом позволят ему заниматься танцами. Его трясет от страха весь разговор. Он не знает, как они отреагируют, что скажут и будут ли злиться. Женя до ужаса боится их разочаровать.

Но он больше не может жить так. Он не подходит к мячу на поле, боится, а с мальчишками оттуда ему разговаривать решительно не о чем. Он смущается, за-

пинается, стоит какому-нибудь мальчику заговорить с ним. Однажды ему улыбается Миша из футбольной команды и хлопает его по плечу. Женя останавливается в ступоре потому, что ловит себя на мысли, что ему нравится улыбка Миши. Нравится так, как не нравится ни одна из улыбок одноклассниц.

По ночам он смотрит бродвейские мюзиклы. Ему хочется так же – ярко, открыто, насыщенно. Он мечтает носить шляпы, цветастые рубашки и танцевать. Мечтает увидеть это все вживую, стать частью этого немислимого пространства.

С этой мыслью он засыпает по ночам.

В седьмом классе его отправляют к бабушке в Америку на год. Пойти там в школу, учить язык, увидеть другую жизнь. И Женя видит – свободных людей, моду, пышные юбки, уличных танцоров, настоящий нью-йоркский час пик. Однажды он видит двух мужчин, держащихся за руки, – что-то ломается в нем с

треском, пока он вглядывается до сухости в глазах в переплетенье рук.

Все начинается с этого и с того, что по телевизору крутят каждую ночь «Классный мюзикл». Мальчик видит, как устроены декорации в театре, как пишутся и поются песни. Женя внимательно наблюдает за персонажем, который хочет быть режиссером, изучает его повадки. Женя загорается идеей.

В этот же год он знакомится с Кристиной, русской девочкой, которая учится на хореографа. Она предлагает ему прийти на прослушивание. Они ставят «Бриолин» – и Женя буквально заставляет себя дышать спокойно.

Когда его берут в спектакль, пусть и на крошечную роль, мама говорит ему по скайпу, что «не бывает маленьких ролей – есть маленькие актеры».

С этого момента – Женя пока не догадывается – меняется все.

У Жени случается первый нервный срыв, когда прихо-

дид отказ из Колумбийского университета. Он срывает голос, кричит, ревет, стискивает запястье в руках и царапает кожу ногтем до красноты. Он отпускает себя – и все вспоминается. «Вырви, вырви, вырви», – слышит он в своей голове. Ему снова становится семь лет, и он стащил у бабушки снотворное. Это была первая в его жизни попытка. Жене становится страшно, он кашляет и теряет границы с реальностью. В ушах шумит. Его судорожно трясет несколько часов, пока вся жизнь пронесется перед глазами. «Отец, я здесь больше не могу, верните меня домой», – строчки из мейла кружат под веками. «Женя, что ты чувствуешь по поводу того, что мама и папа больше не вместе?» – трясется голос психолога в голове.

«F A G O T» – взрывается толпа.

Он тонет,
и тонет,
и тонет в своих воспоминаниях.

Пять лет, думает Женя, когда истерика сходит на

нет. Пять лет усердной работы, тысяча часов, проведенных за столом в скрюченной позе, тринадцать спектаклей, второй ученик в школе, идеальный аттестат – и все это для того, чтобы получить отказ. У Жени трясутся руки, когда он нажимает на звонок в скайпе.

Мама отвечает практически сразу, и Женя молча плачет ей в трубку еще полчаса.

– Не говори отцу, не говори отцу, – шепчет.

Женя не может его разочаровать. Женя слишком долго боялся его разочаровать, чтобы начинать сейчас.

Женя осознает, что проблема действительно есть, на подкорке его подсознания, когда его увозят в больницу с панической атакой по середине рабочего дня. Ему говорят о переутомлении и советуют обратиться к психотерапевту. Женя кивает на каждое слово, ощущая себя при этом пустым сосудом. Яркие белые стены выжимают из него последние силы. Каждый шаг, поднятие голо-

вы, вращение глазами дается ему с трудом. Он доезжает домой на такси, вваливается в квартиру, закрывает дверь на оба замка и выключает телефон. Ложится на кровать и пялится в потолок до тех пор, пока сознание не отключается и он не проваливается в сон.

Так проходят три дня. Он мало ест и много курит, практически не вставая с кровати.

Когда он открывает ноутбук – сразу проходит звонок. Он глупо смотрит в экран секунд двадцать, пока медленно не нажимает «ответить».

Младшая сестра смотрит на него молча, бегают глазами, изучает. Даже через тысячу километров Женя чувствует, как она беспокоится. Они молчат, пока Алина не выдыхает:

– Паршиво выглядишь.

Женя усмехается. Это первая эмоция, которую он выдает за три дня. По его щекам начинают течь слезы, горячие и соленые. Перед глазами пелена, он забывает правильно дышать, и у него начинается гипервентиля-

ция. Через вакуум до него доносятся просьбы Алины дышать. Он поднимает голову и:

– Я хочу им рассказать. Я так больше не могу.

Его голос звучит горько, отчаянно, хрипло. Женя сообщает это так, словно ставит себе приговор, ставит крест. Ему проламывает грудную клетку страх разочаровать своих родителей. Его трясет при мысли о том, как отреагирует отец, как посмотрит, заговорит ли с ним когда-нибудь после.

Женя думает, что он его просто убьет.

Он поднимает глаза на сестру, когда ее слова проникают в его сознание, становятся четче, обретают смысл.

– Эй, дыши, дыши. Я люблю тебя, слышишь? И я буду рядом, когда решишь. Только, пожалуйста, приди сначала в себя. В твоём состоянии это тебя добьет.

Женя всхлипывает:

– Они отвернутся от меня. Точно отвернутся.

Алина поднимает мокрые глаза к потолку, не зная, что ему ответить. Она не станет

убеждать его в обратном, потому что она не знает. Действительно, не знает, что ожидать от их родителей.

Алина узнала, что старший брат – гей на одной из дачных вечеринок. Она зашла в комнату за зарядкой для ноута. Дальше – картина маслом. Трусы и шорты ее брата лежали рядом с трусами и шортами его якобы лучшего друга. Они вдвоем на кровати. Женя смотрел на нее пьяно, глаза были стеклянными, но с каждой секундой молчания делался все более напуганным и осознанным. Он с ужасом ждал ее слов, пока ее глаза округлялись и менялось выражение лица. Вся реакция сестры заключалась в крике:

– Блядь! Зарядка в сперме. Как мне комп зарядить-то, блин?

Она вылетела из комнаты, хлопнув дверью.

Когда Женя пришел к ней позже, после того как выпил пару стопок для того, чтобы пережить разговор со своей младшей сестрой, и начал объясняться, оправдываться и удивляться ее спокойной

реакции, то все, что Алина ответила ему:

– Думаешь, я не знала? И крепко его обняла.

Этот момент навсегда отпечатался для него ощущением безопасности, дома и семьи.

Но родители, их родители – это совсем иной случай. Его мама относится к женщинам стальным и непробиваемым, чересчур строгим, не умеющим выражать любовь через нежность и слова. Он не знает, что от нее ожидать.

Что касается отца, то он представитель brutальной мужественности, токсичной агрессивности. Его представление о мире проходит через травму поколений, передается от отца к сыну, чтобы потом говорить своему маленькому ребенку: «Я так хочу, чтобы ты с кем-то подрался, меня вызвали в школу, и я бы тогда знал, что мой сын – настоящий мужчина».

Женя, может, и хотел бы порадовать отца, но так вышло, что его парализовало каждый раз, когда он видел насилие. Мальчишки начи-

нали драться по пустякам, как подобает в средней школе, когда инстинкты берут верх над воспитанием. Женя останавливался в ступоре.

И все свое детство Женя жил с убеждением, что он ненастоящий мужчина, потому что не мог и не хотел драться.

Но однажды, однажды он доказал ему, что он не просто слабый мальчишка. Родители ругались в очередной раз, крики стояли на всю квартиру, глаза взрослых наливались бешенством, и как только Женя увидел, как отец замахивается на мать, то в нем будто щелкнул переключатель, все страхи отошли на задний план, и все его нутро взрывалось мыслью «защитить, защитить, защитить». Он, будучи слабым и маленьким мальчишкой, встал между двумя разъяренными взрослыми, обхватив колени матери, и истерично закричал отцу, чтобы он не смел трогать его маму. Стук сердца давил на грудную клетку, подскакивал пульс, бил адреналин, но мама важнее всего на свете.

Важнее страха перед отцом.

Женя вспоминает этот момент, прокручивает в голове, пытаясь отыскать эту храбрость внутри себя. И принимает решение. Потому что есть еще кое-что важнее его страха перед отцом. Его спокойствие, его счастье, его принятие себя.

Его жизнь.

Он вытирает влажные ладони о джинсы перед тем, как постучать в дверь. Стучит костяшками двумя пальцев по бедру. Выдыхает два раза – тяжело и медленно, когда слышит шаги по другую сторону двери. Бабушка появляется на пороге, суетливо целует его в щеку, начинает искать вешалку для его куртки. Женя улыбается, когда смотрит на ее мечущиеся движения.

– Ничего не успеваю! Перец фаршированный почти готов. Чего стоишь? Давай-давай, иди на кухню.

Женя знает, что не готов говорить об этом здесь, за столом. Он снимает с вешалки пальто бабушки,

протягивает ей и предлагает прогуляться немного. Она удивленно на него смотрит, но качает головой и соглашается.

Они гуляют по 42-й улице прогулочным шагом. Женя держит в руке мороженое из специального фургончика, наблюдая, как оно тает на солнце. Вокруг смеются люди, и Женя судорожно пытается отыскать в разговоре момент, секунду, тишину, когда он сможет высказаться. Руки потряхивает, но он делает два вдоха, когда наступает оно – тот самый момент, когда все может измениться:

– Вероника – такая хорошая девочка, на врача учится. Почему ты никак не начнешь за ней ухаживать?

У Жени уходит лишний поток каких-либо мыслей, бьется только «вот оно, сейчас».

Женя знает, что он просто больше не хочет притворяться. Ложь в этот раз не сорвется с его языка. Поэтому он делает глубокий вдох и на одном дыхании выпаливает:

– Бабушка, я гей.

Ему хочется закрыть глаза, чтобы не видеть ее перекошенного лица, но он четко смотрит прямо на нее и ждет. Все его тело находится в оборонительной позиции. Он готов к любому ответу и любому исходу. Это опустошающее чувство, которое держит его в пелене после произнесенной фразы, помогает держать себя под контролем. В эту долю секунды, пока бабушка не издает первый всхлип, Жене кажется, что он сделал все правильно.

«Лучше я откроюсь сейчас, чем снова буду выдумывать, почему не хочу быть с Вероникой или любой другой девушкой. Она хорошая, но у меня много учебы? Я не готов к отношениям? Я гей, я – гей, и отстаньте от меня», – возвращается вихрь в голову.

– Давно?

Мертвый голос, который свидетельствует о тщательном взлелеянном равнодушии, которое бабушка годами носит, забыв уже, как оно снимается. Женя видит, что она хочет заплакать, но не позволяет себя этого. Женщина, выращенная на мен-

талитете утаивания, скрывания своих чувств. В их семье сентиментальность всегда считалась не к месту.

Женя хочет сказать ей, что она имеет право на чувства, что он не хочет, чтобы она закрывалась, сдерживалась и глушила это в себе. Они друг другу самые близкие, она растила его с пятнадцати лет. Он хочет, чтобы она знала, что все нормально, если ей больно потому, что ему тоже. Ужасно. Больно.

Вместо этого он отвечает:
– Всю жизнь.

И они молчат. Женя выдыхает воздух и чувствует, как тело освобождается от сковывающего страха.

Тяжело, да. Но эти чувства – освобождение, облегчение, свобода – определенно того стоят.

– Твоя жизнь будет тяжелой. Ты понимаешь, в каком мире мы живем?

Бабушка говорит еще много о том, что его не будут принимать в обществе, ему будет сложно заводить знакомства и быть собой. Еще она говорит фразу, которая бьет по живому, заставляет

его кожу покрыться мурашками:

– Это то, что нужно скрывать.

В ее словах, интонациях, жестах сквозит страх, что он будет несчастен, что его ориентация – это приговор. Бабушка не спрашивает, как это случилось и почему. Они говорят обобщенно потому, что так проще.

Женя знает, что она все равно его любит больше всего на свете, поэтому он прощает ей каждое слово, которое ранит. Ему не хочется ей ничего объяснять и доказывать. Он знает, что это практически бесполезно.

Жене кажется после разговора, что все прошло хорошо. Гораздо лучше, чем он ожидал.

Только спустя время он узнает, что весь вечер после она молилась и плакала. Хоть и не верующая.

Тогда же она позвонила его матери и все ей рассказала.

Когда Женя возвращается в Москву, то его родители долго и неумело делают вид,

что ничего не знают.

Это напоминает глухонемое сатирическое кино, когда люди пытаются поговорить друг с другом, не слыша и не понимая при этом ни единого слова. Все делают вид, что все в порядке, когда периодически образуется неловкая тишина за обеденным столом, скрипят приборами по тарелкам, мама подливает вино почти до краев. Отец с матерью смотрят на него, как будто бы вынуждают себя, не дольше двух секунд, натянуто улыбаются, но Женя не понимает, кажется ли ему это, пока Алина не находит его руку под столом, чтобы на мгновение сжать.

Вынужденные разговоры, вынужденные паузы. Женя не собирается сам поднимать эту тему. Они его родители, они взрослые – пусть и справляются с этим фактом сами. Женя злится, но не хочет этого признавать.

Он ждет три дня, становится уже невыносимо. Он думает, что сорвется, пока мать не произносит, когда они едут в машине:

– Знаешь, я тут прочитала,

что все мужчины склонны к бисексуальности.

Женя думает: «Накопец-то», – и заинтересованно на нее смотрит кивая.

Диалог выходит глуховатым, искалеченным, наполненным неловкими паузами.

– Пожалуйста, посмотри на меня, – он шепчет, потому что иначе его голос дрожит. Она ни разу не посмотрела ему в глаза с начала диалога. Женя знает, что ей тяжело, но она ведь сильная. Самая сильная женщина из всех, кого он встречал. Она ведь может посмотреть в глаза собственному сыну, она может хотя бы постараться сделать так, чтобы их отношения не сломались. Она его любит – Женя знает, но сейчас ему страшно, жутко, больно. Словно он совершил действие, которое навсегда разрушит отношения между ними. И он хочет услышать от своей мамы, что он не разочаровал, что она не отвернется, что она все еще хочет быть частью его жизни.

Мама не говорит, что будет любить его любим, но ему кажется, что она это

подразумевает. Она неловко сжимает его пальцы, когда у Жени начинают течь слезы, и он просит, почти умоляет:

– Я все тот же, мам. Я все еще твой сын.

Она делает вздох и замирает.

Она мнется, ей сложно подбирать слова и быть сентиментальной, но она тянет руки к нему и гладит по затылку. Это не слова, нет.

Но этого достаточно.

Мама смотрит ему в глаза и говорит:

– Ты всегда будешь моим сыном.

Женя плачет навзрыд, когда его эмоции все-таки берут контроль над ним.

Отец везет его по ночной трассе в абсолютной тишине. Он не включает радио и сам не произносит ни звука. Крепко держится за руль, хмурит брови. Женя знает, что он злится. Женя не решает, что-либо сказать. Он готовит себя к тому, что сейчас – сейчас просто точно не будет.

Когда проходит сорок ми-

нут, а отец все еще упрямо смотрит вперед и, кажется, даже не планирует что-либо говорить, Женя просит его свернуть на парковку около торгового центра. У Жени сворачивает желудок от нервов, но он давно для себя решил, что готов нести ответственность за свои решения. Ему хочется это сделать. Раз и навсегда.

– Я знаю, что ты знаешь, пап. Ты скажешь мне хоть что-нибудь?

Отец дергается, резко берет пачку «Парламента» и прикуривает толстую сигарету. Салон машины наполняется дымом, отец приоткрывает окно лишь чуть-чуть. Женю тошнит, но он стойчески не двигается, вдыхает и выдыхает по чуть-чуть. Ждет.

– Что я должен тебе сказать? Я даже посмотреть на тебя не могу.

Женя борется с желанием закрыть глаза, отвернуться или попросить его ехать домой.

– Что я должен сделать, чтобы ты посмотрел на меня? Поговорил со мной? Папа, я ведь все еще...

Но отец не дает ему закончить.

– Не называй меня так. Ты хочешь знать, что ты должен сделать? Избавиться от этого. Перестать об этом говорить вслух. Как ты мог? Это позор, унижение, стыд, как ты не понимаешь? Отвратительно, – выпаливает отец и стряхивает пепел в окно. Пепел оседает на стеклах. Женя плохо видит силуэт отца из-за пелены слез на глазах, но он не дает им скатиться по щекам.

«Отец не должен видеть слез сына», – крутится у Жени в голове.

Тишина в голове наступает только тогда, когда отец говорит завершающую фразу, которая срывает, как пощечина:

– Я хочу, чтобы ты пошел в церковь и отмолил свои грехи.

Когда Женя будет вспоминать этот момент в будущем, он не сможет объяснить себе, что тогда с ним произошло. Щелкнул переключатель, сместились баррикады, стерлись границы. Он почувствовал себя псиной, кото-

рая сорвалась с цепи. Злая, агрессивная собака, которую слишком долго держали в клетке. Он задерживает дыхание перед тем, как:

– Ты, сука, будешь говорить мне о грехах? Ты? Человек, который оставил нас с Алиной, когда ей едва исполнилось три и съехался к другой женщине? Который бухал все мое детство и регулярно забывал о том, что у него вообще есть семья? Который поднимал руку на мать большее количество раз, чем мне сейчас лет? Какое право ты имеешь говорить мне о моих грехах?

Женя кричит еще долго, кидается вопросами, сжимает кулаки, потому что ему действительно никогда не хотелось так сильно его ударить, как сейчас. Вообще кого-либо ударить. Он считал, что все можно решить путем разговора.

Он тяжело дышит, смотрит на отца, который впивается пальцами в его горло и глядит бешеными глазами. И думает при этом, что, видимо, далеко не все можно решить.

– Что ты сделаешь, отец?
Задушишь меня так же,
как душишь в себе чувство
вины?

Он сбрасывает его руки и выбегает из машины, громко хлопая дверью. Женя бежит вперед по трассе так долго, пока легкие не начинают жечь. С одной стороны машины, которые проносятся на полной скорости, с другой – лес. Он дышит, дышит, дышит – и кричит. Он чувствует это внутри, как патоку, как липкий мед, обволакивающий тело. Это не сковывающий, парализующий страх.

Это отрезвляющая свобода.

В первый раз в жизни он противостоял отцу, отстаивал себя, не закрыл свой рот.

Я смог, – думает Женя, – смог.

Он едет по трассе, внутри кипит желание что-то сломать, вывернуть руль, вернуть свои слова. Он мучается чувством вины, потому что он столько раз прокручивал разговор с сыном, представлял, что ему сказать. Он так хотел поступить правильно

но, но в последний момент испугался, отступил и позволил гневу затуманить глаза.

Его гнев – это его самый большой грех и балласт, который каждый раз притягивает его все ближе к земле.

Ему страшно, что их отношения никогда не сдвинутся с этой мертвой точки.

Но он так растерян, разочарован, испуган. Он чувствует себя в западне потому, что не существует правильной реакции, когда отец узнает о гомосексуальности сына. Это выводит его на паническую мысль о том, что он как родитель не удался. Он не смог обеспечить своему ребенку безопасность и счастливую, комфортную жизнь.

Он останавливает машину и ставит ее на аварийку потому, что дорога перед глазами размывается. Все крутятся и крутятся воспоминания о том, как он в первый раз держал новорожденного малыша в руках, тот обхватывал маленькими губами палец, а его любимая рыжая женщина обводила ласковым взглядом двух главных людей в ее жизни. Он был

самым счастливым мужчиной на земле в ту секунду, это подлинное чувство абсолютной любви захлестывало с головой.

И он знал тогда, что его жизнь началась заново.

Это его ребенок, которого он всегда хотел защитить, создать безопасное место, воплотить все его амбиции в жизнь. Он хотел быть родителем, которого у него самого никогда не было.

И он не справился.

Плечи начинают трястись. Горечь подступает к горлу, и он просто не знает, как от нее избавиться, как заставить исчезнуть эту тянущую боль в груди, которая не дает ему сделать вдох. Он сжимает костяшки кулаков зубами, но машина наполняется звуками всхлипов.

Он не справился.

Женя улетает из Москвы так, словно сжигает мосты. Конечно, он знает, что вернется потому, что у него есть мама, которая находится в процессе его принятия, есть сестра, которая всегда была,

есть и будет его опорой.

Есть отец, который, несмотря ни на что, всегда будет его отцом. Женя оставляет его справляться со своими чувствами потому, что Женя знает, что ничего не может сделать для него. Он может просто простить его тогда, когда отец поймет, что нуждается в прощении. Им обоим есть о чем подумать и над чем поработать.

Женя смотрит в окно самолета, когда заканчивается посадка и самолет начинает разгоняться. Его немного потрясывает, а нутро наполняется тем предвкушением, которое всегда сопровождает людей во время полета. Ожидание изменений, предвкушение, чувство, словно жизнь начинается заново, переворачивается и плывет по своему течению. Женя уже десятки раз летал рейсом Москва – Нью-Йорк, но сейчас все иначе. Впервые в жизни он совершает этот полет, будучи свободным человеком, человеком, который принадлежит сам себе.

Женя улыбается потому, что ему больше не страш-

но. Ему давно не было так хорошо. Тревога отступает медленно, но Женя знает, что однажды ее вообще не станет.

Женя знает, что однажды он будет произносить свое имя, а за этим именем будет стоять такая гигантская сильная личность, которая никогда в жизни не стала бы себя стыдиться.

Он предвкушает жизнь, где он больше никогда не станет притворяться. Иметь возможность быть собой – это то, за что каждый человек вынужден бороться. И то, что должно нам быть дано по умолчанию. Каждый заслуживает право выбора.

Самолет поднимается в воздух – люди чувствуют себя освободившимися от оков хотя бы на какое-то время.

Женя же знает, что это навсегда.

Он получает сообщение «Я записала нас к психотерапевту на следующей неделе. Это будет семейный сеанс. Для Жени будет значить

многое, если мы будем все вместе. Ты придешь?»

Он смотрит в экран телефона, грудную клетку сковывает страх, первичная реакция отказаться почти вырывается в то, что пальцы начинают набирать ответ, но он – впервые в своей жизни – отодвигает свое отрицание на задний план.

И отвечает:

«Приду».

MY BEST BUDDY^{1*}

1

Всё сошлось в одной точке

Еду куда-то в автобусе чёрт знает куда, всё равно как-то сейчас.

За окном мелькают огни, а мне кажется, что это облетают чешуйки с крыльев мотылька... Да, я, конечно, принял – не, не кислоты никакой, так, пивка, аххах... Мне 18 сегодня.

Может, поэтому такая лирика на душе и так хочется рассказать обо всём этом... О нём в основном, о моём best buddy, и об этих нескольких неделях. Чёрт! Недели всего, а кажется, моя жизнь проносится вместе с этими огоньками в окне, как фотки в инста ленте, глянцевыми бликами. Куда-то далеко, где я, может, больше и не достану их... Даааа, пафоса, прям как в песнях

XXXTENTATION¹.

Нет, просто надо подумать обо всём, как следует, разложить по полкам и выбросить хлам из головы, как-то так...

Я и сам не знаю, как начался весь этот зашквар. Динар появился в нашей тусовке летом, да и тусовки-то не было – так, кто остался в городе на каникулах. Пару недель спустя, когда все вернулись из лагерей и крутых курортов, или на несколько недель раньше я б и не заметил его, точно! Он не катался с нашими на горных великах или скейтах-роликах – пришёл с приятелем и просто немного наблюдал.

Я спустил ногу со скейта,

1* buddy в значении «друг, приятель» (*англ.*)

1 XXXTentation – молодой рэпер из Флориды. В 2016 году завоевал популярность с 3-4 треками. Вокалист сочетал хип-хоп с R&B, альтернативным роком и металлом.

чтобы глотнуть воды. Лето в городе аццки жаркое. Прохладная вода обдала пищевод, аж мозг включился, и сразу в уши из портативной колонки полился тягучий Макс Корж со своим временем без забот. Качаю головой в такт «ты не переживай, не переживай ток»² и чисто случайно встречаюсь с ним взглядом. А он кривит губы, и я прямо читаю презрение в этой усмешке и его прямом взгляде. В общем, как это - в том самом месте, в то самое время, или не, наоборот. Короче, сошлись как-то звёзды тут. Как под дых я получил. Но тогда сразу прост не понял, чё за хуйня. И весь он такой вот прямой...

Ооой, вижу его перед глазами, это мой личный рагнарёк³, баттл, который никак не выиграть. Как он выглядит?.. Ну, как, в то лето он уже начал в зал ходить, так что из щупленького мальчишки постепен-

2 Слова из песни «Горы по колёно» исполнителя Макс Корж.

3 Рагнарёк – конец света в германо-скандинавской мифологии.

но превращался в высокого и крепкого парня. Уже не хрупкие сутулые плечи, как, я догадываюсь, было еще год назад. Теперь он держался прямо и уверенно, хм... В тот день на нём были широкие удлинённые рэпперского вида шорты, большая футболка – всё как всегда. Волосы чёрные и прямые модно зачёсаны набок. Он не смазливый, но лицо очень приятное и располагает. Красивый миндалевидный разрез глаз, они тёмно-карие, когда он смеется, в них пляшут озорные искорки, и тебя сразу согревает теплом, как от солнца. Правда, в гневе он страшен, хах, такой колючий взгляд, словно молниями тебя шарашит. У него смуглая кожа, чётко очерченный подбородок и... губы... Их линии ровные и мужественные, но не тонкие. Бля, неужели я это скажу, но столько в них секса, как будто мёдом политы. Может, это просто я больной на голову... Вот такой он, my best buddy, Ди.

Выливаю я, значит, остатки воды себе на голову, машу ею

в разные стороны и блаженно отфыркиваюсь, как какой-нибудь ретривер, понимаю, что он все еще смотрит на меня, уже без насмешки.

– Ну и чем тебе Корж не угодил? – спрашиваю. Он едва заметно пожимает плечами, и я подхожу ближе, поднимаю ладонь вверх, он встречает её в приветствии – что-то среднее между рукопожатием и high-five⁴. – Женья, все зовут меня Джей.

– Динар.

– Ди, – киваю с улыбкой, но он отрицательно качает головой, и с этого начинается наш вечный спор вокруг его имени, я буду его постоянно дразнить. – Ну и что же ты слушаешь? – пытаюсь приобнять его за плечи, забывая, что весь мокрый, и он шарается от меня.

– Да, он всегда такой, Динар, забудь про личные границы, – негромко говорит Пашок, который его к нам привёл. – Джей будет выносить тебе мозг этим постоянно.

– Никак не меньше

4 high-five – жест «дай пять»
(англ.)

RamireZ, да? – пытаюсь цитировать его плей-лист наугад. – Джейден Смит? Чиф Киф? Кендрик Ламар?

Кивает и улыбается, мне тепло от этого, я прост не замечаю, как плавлюсь от этого нового знакомого.

– SuicideBoys, – добавляет он низким бархатистым голосом.

– Спорт? – не унимаюсь я. Мне надо сразу все знать, и особенно неистово я набрасываюсь на него, нутром чувствуя свою любимую жертву, – интроверта.

– Баскетбол, – коротко и безапелляционно. Заглядываю в его глаза, а в них пляшут огоньки азарта.

– Мы обязательно должны сыграть здесь.

Я занимаюсь всем и сразу, и в этот момент безумно благодарен своей увлекающейся натуре, что так кстати неплох и в том виде спорта, который вызывает столько трепета в этом скупом на выражение эмоций сердце.

Думаю, можно сказать, что мы как-то сразу почувствовали взаимный интерес друг к другу, хотя Ди, как обычно,

был достаточно сдержан. Я вообще часто путал его реакции с вежливостью, что ли, и это выворачивало меня наизнанку, заставляя доканистываться до него на ровном месте, искать настоящие мысли, чувства. Он очень уставал от этого.

2

Стычка

– Павлуша, – слышу, как любовно стебёт его Дэн, лениво подъезжая к нему на скейте.

– Иди нах, – огрызается тот со своей доски и виртуозно съезжает ребром по мраморному скату у памятника в центре набережной, где мы зависаем почти каждый вечер, затем исполняет кик-флип⁵. Маленький и легкий, Дэн среди нас лучший.

– Малыыыыш, – продолжает поддёбывать Дэн. Это их вечный ритуал, они знают друг друга с песочницы. Пашка со вздохом закатывает глаза и останавлива-

5 кикфлип – один из популярнейших трюков на скейтборде: вращение доски носком от себя.

ется, потряхнув золотистыми кудрями, слегка мокрыми от пота. – Откуда ты взял этого чувака, Динара?

Не поднимаю глаза, ковыряясь носком кеда в доске, но жду ответ, навострив уши.

– Динара? – рассеянно повторяет он, глядя куда-то в горизонт. – Да я так-то давно его знаю, просто он такой... – пожимает плечами, я уже с полным вниманием ловлю его слова и смотрю исподлобья. – Не знаю, Дэн, нелюдимый, что ли... Ммм, он особо никуда не выходил раньше, кроме школы, я его ток во дворе и видел по дороге домой. У него какой-то там... как его... синдром? Приступы паники...

Я аж рот открываю.

– Он испытывает тревогу в больших компаниях или людных местах. Кароч, – обрубает он на самом интересном месте, – встретились мы на трене по баскетболу тут, ну и как-то он решил вроде бороться с этим. Вы первая компания, куда он согласился прийти. – Пашка продолжил тренировать свои флипы с Дэном.

А я подвис. «В смысле куда не выходил? Как это вообще возможно?» С трудом могу себе представить такую жизнь – я вечно где-то с кем-то, занят всем подряд... Беспомощно оглядываюсь на друзей, которые веселятся и подкалывают друг друга, пытаюсь представить себе, что такое приступ паники. Серьезно? Как так-то? А на день рожденья? А на тусу на дачу? У него друзья-то есть вообще?

– Так ну чё? Го за шаурмой, а? – Дэн хватает Пашку за шею и заглядывает мне в глаза. Плечусь следом, подхватив борд, и плююсь в спины друзей.

– Пацаны... Я, конечно, слегка на пафосе сейчас, но так рад, что вы есть... – оба, как шли в обнимку с ошалелыми лицами, оглядываются на меня с полустекшими улыбками и через секунду сгибаются пополам от смеха, когда я добавляю. – А приступов паники нет.

Да, для них это был просто стёб, я думаю. Но я был серьёзен.

И тут вдруг к ним подле-

тает какой-то ушлёпок и бьёт Дэна по голове. Их трое, они шли нам навстречу, что произошло, мы несколько секунд не понимаем, пока этот чепушила не выводит нас из ступора, бросая сквозь зубы: «Пидоры!»

Пашок внезапно приходит в себя и в бешенстве подскакивает к нему. Дальше понятно: отборный мат, кулаки, разбитые носы и, к сожалению, мой борд... Силы были приблизительно равны, поэтому через несколько минут нам пришлось нехотя разойтись в разные стороны, но те отморозки еще какое-то время кричали вслед о скорой расплате и кровной мести. Все в лучших традициях итальянской, что б её, вендетты. Конечно, никакого серьёзного ущерба, но настроение подпортили. И борд жалко.

Не знаю, почему, но уже тогда я чувствовал лёгкую одержимость Ди. Дома бросил борд в коридоре и скрылся в комнате, чтобы мама не увидела мой разбитый нос, закапанную кровью футболку. Через пару секунд

дверь открылась, и в комнате оказалась моя любопытная младшая сестрёнка.

– Ollie (я называл её так с тех пор, как начал кататься), закрывай дверь скорее. Этим ниче такого, просто по дороге какие-то нервные встретились. Маме не говори, – быстро говорю я, она ведь уже глазами на меня захлопала. – Чё там за пирожки? Принеси парочку.

– Иди хоть умойся. Я тебе пирожки занесу, а ты мне что?

– Я тебя тоже так люблю!

– Ну ты обещал мне посмотреть наш танец, ну пожалуйстаааа... Чуть-чуть мне помоги?

– Оой... – К-роп⁶ вообще не мой конёк, но это же сестрёнка, и пирожки так вкусно пахнут. – Ладно, давай я завтра пораньше приду, честно. Идёт?

Олька убегает за пирожками, а мои мысли опять

⁶ К-роп – музыкальный жанр, возникший в Южной Корее с элементами западного электропопа, хип-хопа, танцевальной музыки и современного ритм-н-блюза.

возвращаются к приступам тревоги, а, точнее, к их обладателю... Чем больше об этом думаю, тем больше чувствую тревогу сам. Руки тянутся к телефону, но у меня ж нет его номера, нет его контакта в сети...

– А в тебя Марго влюбилась, – выдёргивает меня из моря тревоги Ollie, ставя перед моим носом тарелку с пирожками. – Ну так-то по тебе многие девчонки вздыхают, но это же Марго! Она только что бросила Серегу из 11 А.

Девчонки... Вздыхают... Перестаю пялиться в невидимую точку, и глаза фокусируются на собственном отражении в тёмном окне. Волосы выются, из-под них смотрят углями большие карие глаза, губы оттопырены в глубокой задумчивости, голый торс считаю вполне прилично подкачанным. Привлекательный? Пытаюсь вспомнить 9-классницу Марго, первую красавицу школы, но перед глазами всплывают презрительно скривившиеся губы Ди. Не сильно тогда я вдумывался, как все эти мыс-

ли связаны в моей голове, но, пока одна рука подхватила беляш с тарелки, другая набрала сообщение.

whoiam: Паш, кинь контакты Динара

Freeman: Эм... ща

whoiam: Ты как там, бро?

Freeman: я норм.

Freeman: dinvr

Добавляюсь к Ди, жду отклика.

dinvr добавил ваш контакт.

Печатает.

Сердце вдруг подлетает от сигнала о входящем сообщении, но я с недоумением смотрю на беляш.

dinvr: Как сам?? :D

3

Наше тайное место

Это стало нашей традицией – такие диалоги. Не, это прост так само собой получалось всегда.

whoiam: Прива!

dinvr: Как сам, бро?

whoiam: Норм! Ты?

dinvr: Ага

Для меня это было что-то вроде позывного, не знаю.

Каждый раз, когда я читал его wassp, было ощущение такое, что я дома, что ли. Какое-то тёплое пятно расплывалось внутри, не оставляя там места ни для чего другого.

*Whoiam: Поиграем в баскетбол завтра, Ди?

Dinvr: Ok

Dinvr: Ток, слыш, не зови меня «Ди»

whoiam: Че так?

dinvr: Не зна, прост не надо

Я не мог сам понять, чего так цеплялся за это Ди. Наверное, это был мой ключ, как password к нему. Только я так его называл, и через эту маленькую дверцу, как будто пробирался под кожу к этому интроверту. Это была потайная дверь только для меня. И, да, только на английском, это был наш мир, где мы вместе мечтали, говорили о том, что нам было важно и интересно, и туда не было ходу никому.

Whoiam: Так... вы с freeman близкие друзья?

Dinvr: Та не. Так, приятели.

whoiam: А еще у тебя были друзья? В смысле, перед нашим знакомством

dinvr: Были, но они перестали меня звать

whoiam: Что за нахер??

Dinvr: Просто перестали. Мне трудно часто ходить в общественные места. мож, из-за этого

whoiam: Ты пытался с ними поговорить?

dinvr: Если я им не нужен, нахер тогда?

whoiam: Да, бро, дерьмо.

Dinvr: Сам знаю

whoiam: Не представляю, как кто-то может от тебя отказаться, дружище. Я тебя не брошу, брат

dinvr: Люблю тебя, Джей.

Тогда и начался мой безумный роман с my best buddy. Мы часто переписывались и часто виделись. Ди ещё не так хорошо играл в баскетбол, поэтому я мог с ним поспорить один на один. Мы веселились, как дети, пытаясь друг друга обойти, отобрать мяч и бросить его в кольцо, не дать другому попасть в сетку. Было круто с ним играть, нас это как-то спаяло, мы угадывали следующее движение друг друга, старались опередить, сделать неожиданный выпад. Это

было только между нами. Я получал от игры такой нереальный кайф.

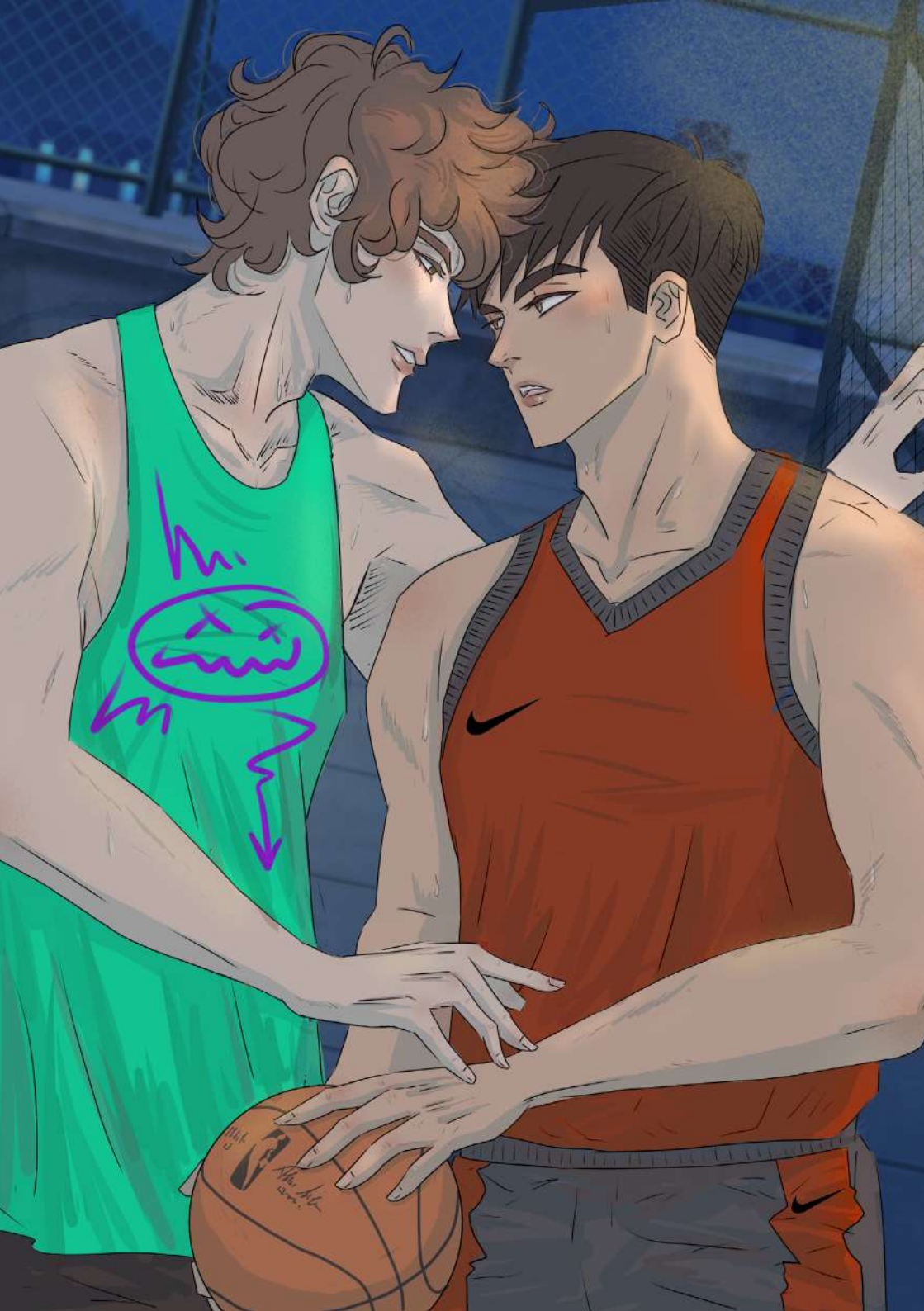
Но там была и другая сторона, ясное дело. Я мог находиться так близко от него, почувствовать его запах, касаться его тела. Наши лица все время были в сантиметрах друг от друга. Не знаю, как он, меня это заводило очень. Ди ничего не стоило обойти меня, как только я в сотый раз зазеваюсь на его соблазнительные полуоткрытые губы. И я просто моргал и смеялся, не в силах прогнать табуны мурашек, расплывшихся по всему телу.

Но в то время я еще не мог отличить эти ощущения от братских и дружеских чувств, которые между нами были. Я чё-то как-то не уловил этот момент, пока...

4

Точка кипения

Мы снова играли. Площадку заливали солнечные лучи. В глазах у Ди плясали эти дьявольские огоньки азарта, которые так кружили

мне голову, а сегодня как-то вообще уносило. Мяч был у него, я подлетел, чтобы перехватить, но Ди ловко увернулся, и я, еле успев затормозить, слегка в него вписался. Мы коснулись друг друга как-то мягко и интимно, внутри меня глухо ёкнуло, и пошла волна из самого нутра по всем клеточкам. Снова пробую перехватить мяч. Ди дразнит глазами, смеется, дыхание сбито у обоих от игры, или не только от игры? Мои губы буквально в сантиметре от его губ. И я чёт вдруг сдурел совсем от его запаха, аромат его классного одеколona смешался с легким запахом пота, этот сантиметр между нами куда-то делся, и мои губы приникли к его губам. Лёгкое касание, затем я тихонько потянул в свой рот его нижнюю губу, и от этого так накрыло. Я аж испустил негромкий стон, это было так улётно. Потому что он впускал в себя мои губы. Мы целовались, как сумасшедшие, руками сильнее притягивая друг друга. Его тело под ладонью было

такое упругое и живое, и я понял, что у меня стояк, только когда уперся членом в его пах. Ди вдруг так сладко и сдавленно застонал, его веки были полуприкрыты, он очень соблазнительно выглядел. Блаженство уносило меня волна за волной, я даже зажмурился. Но все равно почему-то видел полуприкрытые глаза Ди...

Его всхлипывающий стон всё ещё стоял у меня в ушах, когда я открыл глаза и с трудом пришел в себя. Моя комната, я лежу на кровати, и мой стояк все еще оттопыривает простыню. От разочарования я чуть не взвыл. Но рука сама потянулась вниз. Пальцы обхватили горячий каменный член, и я прикусил губу, чтобы не шуметь. Сон не до конца отлетел. Лаская себя, я видел лицо Ди. В мозгу проносились дикие картинки, как я беру в руки его член, как его губы касаются моего. От желания меня аж подбрасывало. Как хотелось скользить ладонями по его спине вниз и там нащупать тугую дырочку, и от следующей мысли я с

глухим хрипом кончил.

Глаза у меня тут же стали размером с два блюда, потому что лавина не до конца оформленных мыслей моментом обрушилась на мой воспаленный мозг. Вопросы – не вопросы, которые я себе-то не мог озвучить. Ну сейчас я могу понять, что тогда думал: кто должен быть сверху, как Ди на все это отреагирует, вдруг он вообще такого не хочет, что вообще происходит со мной, отчего я этого хочу. Я что в парня втрескался?? В моего best buddy?? И тут уж самому себе морду набить захотелось за друга... Стоп! Ему как бэ 16! Вот я мудака... Втройне мудака... И чё делать с этим...

В ванной уже немного остываю, глядя в свое отражение. Та не, не может такого быть... Целоваться с парнем? Это просто гормоны, надо отвлечься, переключиться. Напиться! Сегодня же вечеринка у нас! Отец в командировке, мама на дне рождения у подружки, мы с Ollie заключили договор (хотя это было непросто), что устроим совместную

вечеринку, поскольку ни она, ни я уступить не хотели. И так, она зовет девчонок, я – друзей, тем более что парни мои учились с некоторыми из подруг сестры. Проблема номер раз, как достать пиво.

Другими словами, организация вечеринки и решение таких важных вопросов уже сильно меня отвлекли. Выпивку обещал достать старший брат Дэна в обмен на обещание прикрывать его с сигаретами. Сестра сообщила, что мы сегодня станцуем вместе «Call me Daddy», и у меня пару часов ушло на споры, откуда появилось это «мы».

Однако по мере того как приближался вечер, я уже был сам не свой. Волновался, черт подери. Ди обещал прийти и, по сути это была его первая вечеринка, и это была первая наша с ним вечеринка. Я ругал себя последними словами, но по-другому об этом не мог думать. Как я буду смотреть на него после этого сна...

Дэн в самом деле принес пива, и я не заметил, как капитально опьянел. Ди,

кажется, вполне комфортно себя ощущал, потому что знал почти всех. Я, как мог, старался держаться от него подальше. Марго всё время путалась под ногами. Я был навеселе и не понимал, чего она вертится вокруг. И тут сестра скомандовала на «Call me Daddy». Я уже в душе не помнил, что не собирался ничего такого делать. Но танец знал хорошо, поскольку репетировал с сестрёнкой.

Девчонки выстроились перед диваном в зале, а в самом центре дивана сидел он, my best buddy.

Как только музыка заиграла, я ушёл в танец с головой. Виляя задом, вытворял все пошляцкие движения не хуже какого-то корейского айдола, и мне казалось, что это так весело. Пацаны орали в горло и снимали меня на телефоны, забыв про девчонок. Да, я просто жёг. И видел только Ди, который в лёжку хохотал надо мной.

5

Пашка

Да... Ты вот такой ошалел-

лый плетёшься по жизни: оп, новый друг оказался самым лучшим, вау! Оп, кажется, я пидарас, wtf! Оп, ты танцуешь К-рор пьяный, и все будет в сети, трэш на всю школу в ближайшие дни... И даже не подозреваешь, какой всё это реально трэш и что ждет тебя из-за угла. Так и случилось в тот день.

Утром я ещё не хотел открывать глаза, хотя проснулся. Уже солнце жгло веки сквозь окно, как через лупу. В голове шумело, вместе с сознанием в голову повалили обрывки воспоминаний с нашей вечеринки вперемежку с пьяным бредом или сном... Кто что говорил про девчонок, кто как собирался домой, Дэн и Марго целуются на подоконнике за прозрачной занавеской, кристально трезвый Ди, его голос рядом, меня клинит на нем, я ничего не соображаю, только губы горят – так хочу поцеловать его, колено трётся о его бедро, когда мы сидим на диване и он продолжает «поддерживать разговор» со мной... Что потом? Было-нет? Мы уже не друзья

даже?

Я судорожно шарю рядом в поисках телефона, пацаны уже наверняка чатят и стебут вчерашний вечер. Бля, ну он вообще не девчонка, и я, в общем-то, тоже... Как так, что за нахер в башке... И не только там... Он ведь просто шлет свой wzар, а у меня уже лыба до ушей, и я счастлив, как щенок. Желание дикое разрывает... Не, мне нравится его лицо, тело, голос этот низкий заводит дико (мама моя, я когда так изменил себе и своей ориентации?), но это «хочу», оно не только от его запаха, или того, как мы иногда случайно кожей соприкасаемся. Он заводит меня тем, что... Не знаю, эта связь между нами, это только наше, только он и я, и как мы понимаем друг друга... У меня ж встаёт даже просто на его смех, на рукопожатие... В жопу всё! Гормоны это просто! Он мой бэст бадди.

Ёпт, иду дпрочить в душ, стараюсь не думать ни о чем, перед глазами просто изгибы тела, неважно чьего. Вода гладит мою кожу, такая

приятная и тёплая, прижимаюсь лбом к мокрой плитке и снова провожу ладонью по стволу, дрожу, поскуливаю, кусаю губы. Ускоряю темп, задеваю пальцем уздечку, не могу больше терпеть, изливаюсь. И вместе с оргазмом мозг выстреливает яркими пятнами снов: плоская грудь, мужская, с маленькими шоколадными сосками, сжавшимися в изюминки, языком, как наяву, чувствую их; твердая линия плеч, губы такие соблазнительные, его губы, их так хочется ласкать, дразнить языком, кусать; он касается своими губами головки моего члена... Его глаза не такие как всегда, а пошлые, полные желания, дразнят и смеются...

– Блядь, какой я мудака...
– сползаю по стене под струями воды, с которыми смешиваются слезы. – Пиздец, я тебя так хочу, Ди...

Настроения нет совсем, плетусь повидаться с мужиками, тем более, в сети никого и ничего, ток Дэн почему-то всех собирает на обычном месте. Понимаю,

ща придётся выслушать весь стёб тех, кого вчера не было... В голове складывается решение сделать брейк с Ди, перестать пока его видеть, пока не отпустит... И даже закрадывается вообще сумасшедшая мысль достать контакт одного знакомого через пять рукопожатий гомика, пойти с ним в клуб и там кого-нибудь трахнуть, чтоб просто выкинуть из головы эти мысли о Ди.

Подхожу к памятнику, там уже человек десять наших, почему-то не катаются, подхожу к Дэну. Он плачет и бросается прямо ко мне на плечо.

– Паши больше нет... – сквозь всхлип говорит он, и мне кажется, что я не слышал, что он что-то другое сказал. В ушах, как будто вата, хлопаю глазами, а перед ними наш Пашок летит на своей доске, лучше всех делает флипы, и его золотистые волосы падают на лицо, когда он смеется...

– А куда он девался? – сам не слышу своего голоса, а Дэн, как ребенок, рыдает у меня на плече, и я его при-

жимаю покрепче, как будто это как-то может всё исправить.

Уверен, для всех этот день был точкой невозврата, после него всё поменялось и уже не могло быть прежним. Конечно, это были последние дни лета, и мы старались их не упустить. Конечно, солнце вставало, и дела шли своим чередом. Но, блядь, это был наш Пашок, наш бро, ОН БЫЛ, у каждого из нас в сердце вместе с ним что-то умерло, и жизнь просто не могла быть такой, как раньше.

Той ночью он попрощался с Дэном у входа в парк. Дэн не пошел с ним, потому что провожал Марго. А в парке он столкнулся с тем самым отморозком, который обозвал нас пидорами и ударил Дэна. Судя по всему, тот был не один, и у него был нож. На теле у Паши были обнаружены несколько ножевых. Когда эти уёбки разбежались, он был в сознании, он шёл сколько мог, полз до выхода из парка, потерял сознание от полученных ран и скончался. Рано утром его

тело обнаружил дворник. Тех пацанов нашли очень быстро, а в телефоне у Паши сохранилась старая переписка с городского форума, где его обзывали геем и угрожали расправой за это. А Пашок был с седьмого класса влюблен в одну девчонку из параллели, и никто из наших с ней не встречался из-за этого...

Всё случилось в парке около нашей школы, где мы каждый день гуляли. Никому не могло прийти в голову, что в таком месте, где постоянно слышится детский смех, влюбленные гуляют, может произойти что-то такое, о чём мы ходим в кино смотреть ужастики, и случиться с кем-то таким, кто был частью нашей жизни, и виноват был такой же подросток, наш ровесник, человек из толпы. Какой-то животный ужас выглядывал из-за каждого куста, и даже в солнечный день невольно волосы вставали дыбом в предчувствии угрозы.

На месте убийства было разрешено оставлять фотографии, цветы и свечи. В

нашей тусовке Пашу знали многие, но было удивительно видеть совершенно незнакомых людей, приносивших его фотографии. От школы провели что-то вроде собрания на этом месте, учителя говорили об ответственности за свои поступки, об умении оставаться человеком... Мы рыдали все, потому что понимали, наверное, что теперь уже ни фотки, ни слова, ни свечи Пашку не вернут. А ему 16 было, 16, Карл, и на его месте мог быть любой из нас. У него была любовь, была мечта, как у каждого, жизнь, его выбор, его мир... И больше ничего этого нет, и больше никогда не будет.

Я там стоял и думал, что на его месте должен был оказаться именно я. Я пидор, а не он. И если кто считал, что таких надо убивать, то надо было меня убить, а не его.

В эти дни я старался побольше бывать с Дэном. Пашок был ему, как брат, больше, чем брат. Он как будто осиротел, потерял сам себя. Сначала много плакал, а потом просто смотрел в одну точку, потерял ко

всему интерес, даже доску забросил. Марго очень много помогала, я поменял своё мнение о ней. Она с ним вместе ходила к родителям Пашка, вытаскивала его из депрессии. Сейчас они уже несколько недель вместе.

Ну, а я схватился за мысль, что жизнь коротка, решил составить список тех вещей, которые обязательно хотел успеть сделать, и начать их выполнять. В моём списке были ночь на крыше высотки, татуировка, первый секс, поездка за границу... Я не мог не думать о том, как хочется разделить все эти вещи с моим best buddy. Но я не был уверен. В себе. Со всеми этими событиями я уже дней 10 ему не писал, не звонил, никуда не звал. Чувствовал себя очень по-предательски, всё время вспоминая наш разговор, когда сказал, что не брошу. В сердце ныл волчонок, но я терпел. Сам Ди писал первым, эм... никогда, да и мне-то отвечал односложно. Какая-то часть меня понимала, что он интроверт, не все же, как я – не заткнешь. Но

другая часть маялась, я даже пару раз срывался на упреки, типа, если не хочешь разговаривать, так и скажи, и Ди приходилось из себя выдавливать уверения, что всё не так... Ой, как палевно...

И тут я стою на балконе у себя, смотрю вдаль, ощущая на себе всю эту, как наша «русичка» говорит, экзистенциальную тоску. На небе первые звёзды. Вдруг слышу из кармана «дзын» – уведомление.

dinvg: Прив. Ты как там?

Поверить не могу, что он сам пишет. Я снова заставил его вылезать из скорлупы, теперь своим молчанием. Ему плохо без меня? Кто я ему? Что он обо мне думает? Тут я спохватываюсь, что думаю лишнего, но стук уже не унять, сердце бьется, как будто за мной гонятся. Пытаюсь смахнуть с лица бестолковую улыбку. Отвечать или нет?

whoiam: Да, бро. Все ок. А ты как?

dinvg: давно не виделись :(

Пальцы набирают и стирают сообщение раз стоицот. Он скучает? Я обижаю его?

whoiam: Приходи? Я пойду на крышу

Олень, зачем я отправил... Не, я не думаю в этот момент, что он придёт. Каждый раз он появляется ток с десятого приглашения, всегда кучу отговорок придумывает, а уж на крышу ночью... Не, ща настрочит, что мама дома, и бла-бла-бла. Прост опять начнём же общаться. А если начнём, по-любому увидимся. А там я и проколюсь, и потеряю его навсегда. Не, сначала я должен что-то придумать, как свои жеребецкие позывы унять.

dinvg: ща буду. встречай у подъезда

У меня аж жвачка изо рта выпала. Паника сжала горло. Я смотрю в телефон и ничего не могу понять. Он придет ко мне на крышу? В смысле? Сейчас? Бегу в комнату, мечусь там, как мышь, хватаю из шкафа какой-то плед. Бля, он же не девочка, и это не свидание, идиот... Роняю плед на пол, хватаю пачку чипсов. На выходе из комнаты резко разворачиваюсь, стягиваю с себя футболку, обдаю тело струёй аромата

из дезика и натягиваю свежую футболку.

– Идиот, – говорю уже вслух, понимая, что делаю.

Я встречаю Ди у двери подъезда. Мы привычно разводим в стороны руки, чтобы обняться, но в этот раз что-то не то с этими объятиями. Нет спасительной прослойки кислорода, которую он обычно оставлял. Он толкнулся мне в грудь и приник вплотную. И вот это всё: запах его тела, его твердые линии под слишком тонкой тканью футболки, мягкая кожа на шее под моей щекой... Кааак меня повело, колени дрожат, и уже целых две лишние секунды прошли после того, как мой внутренний будильник дал сигнал расцепить руки, и Ди только теперь вот медленно отстранился с улыбкой.

– Бро...

У меня на лице всё, по-моему, мозг не включается... You lose...

– Я... кхе... – отлично, голос тоже подводит, все системы вышли из строя. Чтобы больше не сипеть, просто толкаю его в подъезд, отма-

хиваясь, как от назойливых мух, от мыслей о том, какая у него улыбка открытая, притягательная, как тепло и хорошо его обнимать, ну и все в этом духе. Молча поднимаемся на лифте, пытаюсь прийти в себя. Сердце отстукивает оглушительный бит, сам, как паровоз, не в силах просто сдержать вдохи и выдохи. Кошусь в его сторону и вздрагиваю: оказалось, он все это время смотрит на меня с той же самой открытой улыбкой, о, этот его прямой взгляд...

– Я скучал... – говорит Ди, и у меня мурашки от звука его голоса. – Так рад тебя видеть, бро.

Памагити! Я сплю? Я в раю? Зачем он говорит так?

– В...взаимно, – заикаюсь ему в ответ, натягивая фальшивую улыбку. Пааалевно... Мне так хорошо, и так виновато себя чувствую одновременно. Если он как друг говорит, значит, я заставляю его беспокоиться, значит, одно моё неверное движение, и я лишу его близкого друга. А он ведь открыл душу мне, доверился. Вот я

мудак, педрила... Дайте яду...

Лифт нас отпускает на свободу, почти выбегаю на крышу (ну, когда залезаю на неё по лестнице, аххах), свежий воздух бодрит и выветривает лишнее. Беру себя в руки, уверен, что могу вернуть наше общение в правильное русло. Мы садимся на вентиляционную отдушину, я поворачиваюсь и смотрю ему прямо в глаза.

– Динар, прости, я ... ты знаешь, просто ... после того, как все это случилось с Пашкой...

Я называю его полным именем, и это заставляет его как-то встрепенуться. Он привык, оказывается, что я зову его Ди, подчинился моему упрямству... Я не знал. Сжимаю кулаки и продолжаю:

– Много поменялось... Я думал о многом, поэтому пропал на время. Понимаешь?

– Да, – тихо так говорит и отводит глаза.

– Воот... Не могу поверить, что его больше нет... как это вообще... – мы смотрим перед собой куда-то. – Это несправедливо. Ему всего 16

было.

– Жизнь вообще несправедлива, – спокойно так говорит, но я чувствую, что это не клише, а его опыт. – Многие умирают рано. Тупак, Сантана, XXXtentation... Мой отец умер в 30. Мне тогда было 8 лет...

Мы смотрим друг на друга и вдруг молча как-то понимаем всё, обнимаем друг друга за плечи. Наши головы соприкасаются. Так и сидим.

Не знаю почему, все мои чувства в тот момент были так обострены. Заговорил про Пашка, и уже в носу защипало. Мне так нужен был мой Ди все это время, только ему я мог открыть свои переживания... Я не знал... Смотрю на него. Он тоже такой юный, как Пашка. Ветерок беспечно колышет волосы на макушке, глаза ясные, он искренний и открытый. Так хочется защитить его от всего зла, которое существует, заслонить от бед, хоть что-то сделать, чтобы он улыбался и был счастлив. А он без отца рос, и против такого я бессилен... Ему было больно, одиноко, может, так и при-

ступы паники начались. И вот сейчас есть друг, которого он ценит... А друг оказался таким идиотом, как я...

– Ты прости меня, Ди... Я слишком сильно люблю тебя. Ты не можешь так относиться ко мне. Ты не думай об этом, я не хочу тебя напрягать...

– Перестань, – перебивает он меня. – Мне не нравится, когда ты так говоришь. Если ты любишь меня, я тоже тебя люблю, – Я перешёл границы опять, заставляю его выйти из зоны комфорта и озвучить свои чувства. Пока я опускаю голову и проклиная себя, он продолжает. – Просто... я не могу выражать свои чувства так, как ты... Но я стараюсь! Просто не всегда получается. Пожалуйста, останься со мной!

И тут его рука мягко ложится мне на макушку, он гладит мои волосы и посылает мурашки аж куда-то в центр вселенной. Серьезно, Ди? Ты тему так сменил?

– У тебя волосы вьются, почти кудрявые, так красиво, – его голос немного дрожит от волнения, у меня дрожат

поджилки, я не верю ушам и не дышу. Но уже прям си- рены гудят, мигает красная лампочка. Чтоб как-то успо- коиться, глубоко вдыхаю, медленно выдыхаю и сжи- маю кулаки. – Всегда хотел такие, а у меня прямые... – выдыхает он мне в ухо.

В ответ могу только ус- мехнуться, потому что в эту секунду сил хватает только на то, чтобы мысленно уго- варивать своего маленько- го дружка не трепыхаться. Тихонько отодвигаюсь чуть подальше от Ди, и освобо- ждаюсь от его руки, бормоча что-то про жаркий вечер.

Пытаюсь вскользь глянуть на него, чтобы проверить, как он реагирует на мое странное поведение, и наты- каюсь на его пристальный взгляд. Ди, я обалдеваю от твоих прямых волос, так и тянет запустить в них руки. Его глаза блестят и с таким теплом на меня смотрят, что я готов умереть от счастья прямо тут у него на коленях, как последний слюнтяй. А лучше впитаться в эти слад- кие губы своим голодным ртом и выпить его без остат-

ка, искушать в исступлении, выдыхать в них признания вперемежку с поцелуями. От желания обладать им гудит в голове, ещё немного, и я наброшусь на него, как без- умный, разрывая одежду, прижимаясь к обнаженному телу, лаская и кусая, срывая стоны ответного желания... Или крики ужаса и отвраще- ния?..

– Я ненадолго пришёл, мне уже пора... – тихонько гово- рит он, в глазах беспокой- ство. – Спасибо, бро... Спи- шемся? – в голосе надежда.

Киваю, выжимаю улыбку. Слава богу, эта попытка кончи- лась... В шортах колом стоит и дико ломит. И когда Ди уходит, я вою на луну.

6

Будь собой

Всё, что случилось дальше – это была моя паника, уду- шающий стыд, недопонима- ние, адреналин, эндорфин, боль, еще боль, бесконечная боль, короче, просто кака- я-то тряси́на, которая засоса- ла меня вместе со всей моей

старой жизнью, а выплюнула в какое-то другое измерение, где я уже был не совсем я, и назад было уже не вернуть ничего...

После встречи с Ди на крыше я пришел в себя, наверное, только в новеньком Lexus RX цвета вишневого вина. За окном лил ещё теплый августовский дождь, струйки стекали по лобовому стеклу, размывая реальность по другую сторону. Я поворачиваю голову и вижу Костю на водительском сидении рядом со мной. Он улыбается краем губ и медленно поворачивается, чтобы взглянуть на меня, заканчивая деловой звонок по телефону. На мой взгляд, ему не больше тридцати, наверное, двадцать с небольшим. Волосы, как пшеничные колосья в поле, – такого цвета, а ресницы чёрные почему-то и длинные, и из-за этого голубые глаза смотрят пронзительно и маняще. Его губы слегка влажные и алые, а кончики верхней губы чувственно изогнуты вверх. В голове тогда пронеслось: «Сладкий, как конфета». На нём

были синие брюки, пиджак и серая шёлковая рубашка с перламутровым отливом. Заметив, как я его бесцеремонно разглядываю, он вдруг вскинул брови:

– Что? Удивлён? Представлял меня по-другому? – говорит без ужимок просто, приятный мягкий голос. – Не нравлюсь?

Я что-то смущаюсь, вдыхаю поглубже воздух вместе с ароматом его духов. Пахнет цветами, и это почему-то кружит голову. Волна удушья накатывает, чувствую, что покраснел до ушей. Бессонная ночь, наверное... Но в общем он прав: если бы я шёл по улице с заложенным носом и увидел его, мне бы даже в голову не пришло, что он гей.

– Я тоже тебя представлял не так, – улыбается. – Так о чём ты там писал? У меня немного времени, обед заканчивается.

О чём я писал? Я в тот день как ошпаренный примчался домой, в ванной кто-то был, поэтому, чертыхнувшись не по-нашему, я рванул к себе в комнату, рухнул на пол, за-

бился за кровать и дрочил до посинения, чтобы облегчить ломоту в штанах. С трудом сдерживая стоны, и вообще не в силах сдержать мысли о Ди, я водил рукой по стволу, сжимая и поглаживая. Господи, как он заводит, мать его, best buddy! Кончил, а из глаз брызнули слёзы. Посмотрел на себя и начал смеяться до истерики. Не, ну сижу, весь залитый спермой и слезами. Потом тупил в одну точку часок, пока в голове не начался мысленный пинг-понг. Прокрался в душ, стараясь никого не разбудить, ворочался в кровати ещё какое-то время. Часов в пять утра бросил попытки уснуть, взял телефон, нашёл чат, где поднималась гей-тема, ковырялся минут сорок в поисках нужного контакта, и ближе к 7 утра у меня состоялся примерно такой диалог.

J: Привет! Без обид, ты гей? или знаешь геев? очень надо

Kostas: Boy. Жесткий недо-трах? :D

J: Возможно

Kostas: А ты гей?

J: Проверим? ;)

Kostas: Ммм, любишь по-

шалить?

Kostas: Что хотел? тороплюсь

J: Сегодня ночью чуть не изнасиловал лучшего друга на крыше своего дома. Мне нужно с кем-то поговорить об этом.

Kostas: Извини, я не школьный психолог.

J: Отлично, ты подходишь. Наш школьный психолог – лучшая подруга моей мамы.

Kostas: :D удача просто преследует тебя!

Kostas: Сегодня в час. Вот локация...

И вот я неловко ёрзаю на сидении, вздыхаю, не знаю, с чего начать и что сказать. Костя чуть наклоняется ко мне и протягивает сигарету. Я не курю, но молча её беру и думаю, что Ди просто бы сказал, что не курит. Сигареты у него тоже сладкие, как шоколад. Когда я осторожно затягиваюсь, дым, как яд, проливается внутрь, и по телу проходят мурашки-не мурашки, какое-то покалывание.

– Я уже писал, что случилось с моим другом, – голос у меня хриплый почему-то.

– Видимо, я уже не по девочкам...

– Не обязательно, – Костя смотрит на меня, прищурив один глаз, и затягивается. – Может, просто гормоны-феромоны.

Вместе со словами от его губ расплываются дорожки дыма. Он снова затягивается и спрашивает меня.

– У тебя уже был секс с женщиной? – говорит, а сам чуть запрокидывает голову, прищуривая на меня глаза, и с полуулыбкой выдыхает дым мне в лицо. Это выглядит так эротично, что я снова неосознанно залипаю на него.

«Это что, предложение, что ли?»

Мотаю головой так, что уши сейчас отлетят.

– Сколько тебе лет? – продолжает допрос Костя.

– П-почти 18, – запинаясь я, глядя на свои скрюченные пальцы. – Я... в панике, честно. Это мой лучший друг и... И вообще, если я гей... Думаю, мне надо представлять, как это... Как образ жизни типа...

Думаю, всё мое смятение

на лице. Костя задумчиво смотрит на меня, поджимая нижнюю губу. Его глаза перестали улыбаться, и в них вдруг какое-то сочувствие промелькнуло, или вроде того.

– Ну, раз нам «п-почти 18», – он меня передразнивает, – то я могу предложить тебе только сходить и посмотреть на этот образ жизни... Может, разберешься в себе. Проведу тебя в гей-бар, давай, ближе к выходным, подойдет?

– Кость, а... если я... ну, хочешь попробовать... как это вообще с парнем делается?

Тишина между нами загустела так, что ее можно ножом резать. Мы поворачиваемся друг к другу и одновременно говорим: «Загуглю/ишь».

– Ты как, не думаешь, что всё слишком быстро происходит? – Костя смотрит с беспокойством. – Ты дай себе отдышаться, не спеши.

Киваю, собираюсь открывать дверцу машины и уходить, но после разговора с ним мне так полегчало, что я вдруг оборачиваюсь:

– Ты красавчик, – не ожидал от себя.

– Есть такое, – в его глазах удивление мешается с удовольствием от комплимента.

– Так же можно говорить?

– Если хочешь, чтоб тебя трахнули, определённо.

7

Трах на одну ночь

А я хочу, чтоб меня трахнули? Может, Костя прав, надо немного остыть? Но такой вот я человек – прыгаю в омут с головой, разберёмся на месте.

Да и как тут остынешь... Мысли о Ди преследуют 24/7, мозг пытается расшифровать его странные слова, что любит, его объятия в последнюю встречу.

Скоро в школу. Пытался позаниматься, но тут Ди решил ответить на мое «Доброе утро, бро» и позвал в субботу поиграть в баскетбол... Прислал мне несколько фоток ретрокачек и свой новый любимый трек. Я очень корректно старался на все реагировать, нейтрально

обсудить то, что ему интересно, даже поспорил насчет лучшего гангстерского фильма – никаких намеков на то, как дико скучаю, хочу обнять до треска в позвоночнике, просто хочу – ничего такого. Но кому я вру, игра в баскетбол мне представлялась исключительно порнографической...

Кстати, о порно, к пятнице я просмотрел такое количество роликов с участием только мужчин, что уже потерял чувство реальности, и меня застучала сестра. Впервые в жизни понял фразу «провалиться от стыда». Вроде она поверила, что это случайность, и я слинял к Никитосу прочистить голову, играя в GTA.

И вот я в гей-баре пялюсь на парня, который только что заказал мне коктейль. Пялюсь потому, что обалдел от такого жеста, а он немного смущённо улыбается, отводя от меня взгляд куда-то в сторону, и подходит к моему столику. Похоже, воспользовался моментом, когда Костя с друзьями вышел покурить.

– Привет, – его улыбка по-прежнему слегка смущённая. Я протягиваю руку для приветствия, и он садится рядом. Он хорошо сложен, высокий, светловолосый.

– Привет.

– Ты здесь с кем-то? Твои друзья не будут против, если я тебя украду ненадолго?

– Не будут.

– Не хочешь потанцевать?

Осушаю залпом коктейль и с мрачной решимостью встаю. Горло обожгло, в голове сразу стало легко. Губы сами растянулись в улыбке, все горькие мысли меня покинули. Мой новый знакомый уже взял меня за руку и утянул на танцпол. В танце вообще отпускает. Я наклоняюсь к нему и ору в ухо.

– Как тебя зовут?

– Вася.

– Женья.

От него приятно пахнет, но не так, как от Кости. Вокруг танцпола пары разговаривают, парни целуются, замечаю девушек, которые держатся за руки. Оборачиваюсь к Васе и налетаю на его губы. Они встречаются мягко, его ладони тут же смыкаются у меня

за спиной. Я пробую его на вкус, и мышцы на животе моментом напрягаются. Прижимаю его к себе, а его язык ловко проникает в мой рот и начинает ласкать. Я в огне, а он разрывает поцелуй. Я не готов к такому, ищу его губы, а он говорит мне в самое ухо: «Пойдем со мной». Вот они где, вцепляюсь в его губы опять и, не сдержавшись, прикусываю его нижнюю губу, у него сбивается дыхание, как и мое, музыка слишком громкая, но, мне кажется, что я слышу его легкий стон, и меня бьет невидимая молния. И он снова легонько отталкивает меня и тянет куда-то за руку.

Мы выходим из бара и идем в соседнюю дверь, дальше узкая лесенка на второй этаж. «Хостел», – догадываюсь я. Он ничего не спрашивает на ресепшен, а сразу ведет меня к двери. «О как!» – я понимаю, что у него всё схвачено, а у меня нет.

Вася не включает свет, проходит и бросает ключи на тумбочку у окна, я плетусь

следом и останавливаюсь у двери. Он смотрит на меня с неммым вопросом в глазах.

– Я раньше это... этого не делал, – признаюсь охрипшим голосом.

Он облегченно выдыхает с легкой улыбкой.

– Ничего. Я подготовился и, – достает из кармана презервативы, – у меня всё с собой.

Подготовился... Это он о чём? Я подхожу к нему ближе и целую, едва касаясь его полных губ. Ну здравствуй, секс на одну ночь. Мой первый раз, который так хотелось разделить с... Пришлось даже мотнуть головой, чтобы отцепить ту мысль. Я снимаю с Василия футболку. Он тянется поцеловать, но я кладу ему руку на ключицу и не даю приблизиться. В окно прямо на него светит луна, и его кожа как будто отликает этим бледным сиянием, и серьга в левом ухе сверкает, как звезда. Его голубые глаза кажутся сейчас почти прозрачными. Грудь беспокойно поднимается под моей рукой, и меня обдает жаром. Мои пальцы

скользят по хорошо очерченным мышцам на его груди и животе. Он так нетерпелив, но мне нужно время, чтобы привыкнуть. Возвращаюсь пальцами вверх по его коже и провожу, надавливая, по твердым соскам. Он реагирует, подаваясь вперед и сдавленно постанывая. Его рука ложится мне на шею и тянет к себе, но я уворачиваюсь и прижимаюсь губами к левому соску. Язык кружит по нему и ласкает, губы затягивают его в рот, кусаю, и Вася выгибает спину со стоном, подставляясь моим ласкам. Да, это крышеснос. Его руки шарят по мне, наконец он снимает мою футболку, прижимается. Талия узкая, твердые от возбуждения соски полоснули мне по груди. Ощущение того, как его кожа трётся об мою, разливает по венам огонь. Вася берёт меня за запястья и кладет руки себе на задницу. Понял. Сжимаю его, и он стонет и дрожит от нетерпения, вжимается в меня, просовывая ногу между моих ног. Я целую его, чувствую, как его член трётся об мой

сквозь штаны. Мы падаем на кровать, освобождая друг друга от оставшейся одежды и покрывая горячими поцелуями.

– Что тебе нравится? – хочу, чтобы он стонал подо мной. – Скажи, что ты ещё хочешь?

– Возьми меня сейчас.

Он раскидывает подо мной ноги, мои дрожащие пальцы нащупывают щель между его ягодицами и немного надавливают, оттуда выливается что-то скользкое, и я с испуга отдёргиваю руку. Мозг отстало подсказывает, что это смазка, но что она там уже делает, Вася?

–Т-тебе не будет больно?

– Просто... входи уже, – выдыхает он в мои губы и целует. Его зад так и тянется к моему члену, Васю потряхивает, я чувствую, что падаю в бездну. Слегка толкаюсь в него, и он подается навстречу, насаживаясь глубже, изгибается и стонет.

– Ох, бя... – там так туго и горячо. Вася ёрзает и находит правильное положение, пока я стараюсь не кончить прямо сейчас, и

шепчет мне: «Вот сюда...». Осторожно двигаюсь, и он вместе со мной, подсказывая мне ритм, шепчет и стонет: «Еще, еще... Аааа, дааа...», и скоро мне уже трудно остановиться. Перед глазами расплываются разноцветные пятна, но я пытаюсь удержаться, хватаю его за горячий крепкий член, срывая новые стоны.

8

Каминг аут

Вася был хорош, что сказать. Я был благодарен: молодой, но достаточно опытный, чтобы помочь мне не облажаться – респект, бро. Я даже не удержался и погладил его большим пальцем по щеке и шее. Его расслабленная улыбка утасла, сменяясь немым вопросом, когда я наспех натянул футболку и повернулся уходить. Наверное, он спросит что-то хотел, но я просто ушёл.

В баре я не увидел Костю, сел к барной стойке и отправил ему сообщение. Взгляд упал на ник d1nvr. Он в сети.

Внутри всё сжалось от тоски по нему. Я б, наверно, душу продал за возможность еще раз попасть в объятия Ди, когда он так доверчиво ко мне прижался в тот раз. Перед глазами снова появилось его лицо, тепло, которое было между нами, и эта особенная близость, которая пропитывала наши разговоры и наше молчание рядом друг с другом. Всё это меня обволокло коконом. Я хотел снова услышать, как my best buddy скажет «Love you, man». Бах! Бармен поставил передо мной колу со льдом. Это он увидел мою щенячью улыбку и лыбился на меня.

Мне всё по... Пальцы строчат уже сообщение.

whoiam: Бро, скучаю по тебе! Че делаешь так поздно там?

dinvg: Скучаешь? В смысле? мы ж завтра играем, :D

dinvg: Ничего. Музыку слушаю.

whoiam: завтра так долгааа. Мне тебя мало. всегда

dinvg: все норм, бро.

whoiam: Не, не норм. Кажется, я не подхожу тебе...

dinvg: Блять! Хватит уже нести чушь!

whoiam: Я все время от тебя требую слишком много, заставляю делать то, что ты не хочешь

dinvg: та не, мы прост разные. Я ж сказал, если ты меня любишь, я тоже тебя люблю. просто скажи, что ты хочешь, и я скажу, хочу я так или нет

dinvg: что ты хочешь?

whoiam: тебя

dinvg: меня, в смысле? не понял

whoiam: ну, целоваться, обниматься, как влюбленные

whoiam: Но если ты не хочешь, можем просто быть друзьями. Все ок

dinvg: вообще-то, нет.

whoiam: погоди, ты даже дружить со мной не хочешь теперь??

whoiam: Ди, не молчи, пожалуйста

dinvg: Мне надо подумать. Я не могу тебе разбить сердце. Но у меня никогда не было таких отношений раньше

whoiam: Ди, просто забудь, не о чем тут думать

dinvg: Все равно, мне надо

подумать

whoiam: Ди, пожалуйста
dinvg не в сети

Всё. Меня тогда как ледяной водой обдало, а следом кипятком. На секунду в глазах потемнело даже. Кто перекрыл кислород? Не получается ни вдохнуть, ни выдохнуть...

Глаза снова скользят по нашему диалогу, и вот «у меня никогда не было таких отношений раньше»

Дебил! Это человек, который с детства страдал от приступов паники. Человек, у которого никаких отношений не было особо до этого. Человек, который не знает, как выражать свои чувства. Чего я хотел? Он ведь слепо мне доверился... и попал в лапы извращенца. И теперь он закроется от меня навсегда. Только из-за моего эгоизма я обокрал его. Он лишился опыта крепкой мужской дружбы, здоровых доверительных отношений. Конечно, мой Ди сильный, нестигаемый, правильный, он обязательно будет счастливым, и у него будут хорошие друзья, по-другому быть не

может. Когда-нибудь он простит меня, может, поймет, перестанет считать отвратительным, а, может, нет - я не узнаю. Но тогда за барной стойкой я чувствовал себя убийцей.

Чья-то рука хлопает меня по плечу, выводя из шока.

– Вот ты где, – выдыхает приятный мужской голос. Он тяжело дышит, словно от бега. – А я думал, ты нарушил обещание и убежал.

– Я выходил, – смотрю на Костино улыбающееся лицо, пытаюсь спрятать своё состояние и выглядеть нормально.

Костя понимающе кивает.

– Видел. Ну и как он? По-нравилось?

Честно киваю, а вслух говорю:

– Не понял с первого раза. Надо повторить.

Костя обалдевает от моей шутки (ну как, шутки...), запрокидывает голову и смеётся. Пялюсь на его горло, подрагивающий от смеха кадык.

– Слушай, Жень, я домой. Тебя подбросить.

Снова киваю и цежу сквозь

зубы.

– К тебе.

Он вскидывает брови, опускает глаза, прислушиваясь к себе.

– А твоя мама не заставит меня потом жениться?

Я фыркаю, беру его под локоть и тяну к выходу.

Не знаю, почему с Костей я такой смелый... Садясь в машину, скидываю сестре: «Ollie, не жди меня, закрывай хорошо дверь и балкон, целую» и еще: «Родителям не обязательно знать» и «С меня рафаэлки, чмоки».

– Кость? – пристегивая ремень безопасности, я почти касаюсь его лба и чувствую его сладкий аромат.

– Ммм?

– Я сказал моему другу... обо всём. И он... мы больше не друзья...

Костя медленно подносит ладонь к моей щеке, прямо в душу смотрит своими грустными васильковыми глазами. Я отстёгиваю ремень безопасности и падаю ему на плечо, уткнувшись в него носом.

– То есть я всё-таки бэбиситер сегодня? – вздыхает он.

Трусь об него головой: нет.

– Я иду дальше.

9

В унисон

– Пассив или актив? – с легким стоном выдыхает Костя в моё ухо. Тёплая вода струится по нашим разгорячённым телам.

– Я хз, – впиваюсь в его губы жадно и ненасытно. Какой он сладкий, сил нет. – Актив? А ты? Просто скажи, что ты хочешь?

– Ты... – его пальцы так ощупывают меня, что я просто капитулирую под их натиском. – Я готов, а ты нет, скорее всего, так что...

– Костяааа... Чёрт, как ты скажешь, бля... Я всё сделаю, мать твою, как хорошо...

Мы извиваемся, как два угря, я плавлюсь от соприкосновения с его мокрой кожей. Он выпивает всю мою силу с каждым поцелуем, но одновременно дразнит и ждет моей реакции. Я крепко прижимаю его к плитке на стене ванной, наши горячие члены трутся друг о

друга. Да одно это уже лишает меня рассудка, а он ещё кусает меня за мочку уха и стонет «Ммм... милый, какой ты горячий... Хочу тебя... мой мальчик...»

Вдруг в моих руках оказывается тюбик, я ошалело тарашусь и не понимаю, что это и что с этим делать. Костя дрожит в моих руках, его дыхание рваное. Одну ногу он ставит на край ванной и направляет мой жёсткий член к своей заднице. Вроде какая-то часть моего сознания возвращается к реальности, потому что я вдруг быстро выдавливаю из тюбика скользкую массу на ладонь, обильно покрывая свой стояк, остатки растираю на его колечке сзади, пальцы скользят там сами внутрь.

– Да, детка, правильно...
Еще один...

Я подчиняюсь.

– Найди сам...

Пальцы скользят внутри его узкого прохода, слишком узкого.

– Другой стороной... – Костя такой соблазнительный, его глаза прикрыты, голова запрокинута. Я целую его

везде, где могу дотянуться и переворачиваю пальцы внутри него, ищу заветный бугорок. Вдруг он выгибается, упираясь в меня, и стонет:

– Да, здесь... Входи, трахни меня... – в его голосе мольба. Я вытаскиваю пальцы, сжимаю его в руках, и жду.

– Ммм, шалишь? – он открывает глаза, его зрачки расширены до предела.
– Милый, мне так хорошо в твоих руках... – его голос с хрипотцой поднимает волосы на загривке дыбом, держусь из последних сил. – Не сдерживай себя, ааа... Сейчас... Пожалуйста, – он сжимает мой член, и я безотчетно подаюсь вперед. – Будь грубым... я хочу пожестче...

Дальше уже просто не могу, вбиваюсь в него со всей силы, он выгибается, его стоны кружат голову, и я не отдаю себе отчета, что мои руки и губы оставляют следы на его теле. А он не отстаёт: его зубы терзают мои губы и плечи. Сжимаю пальцами его задницу и бьюсь, что есть сил, срывая стон с его губ и замечая краем глаза алое пятнышко под моими губа-

ми на его шее. Понимаю, что и мое тело, и его к утру будут покрыты такими отметинами.

– Костяааа... Ты такой сладкий... Я тебя съем... – и кусаю его подбородок, скольжу по нему языком, присасываюсь губами.

– Аааа...

Как эротично он стонет, вторя моим движениям. Мы двигаемся в унисон, и я не соображаю, кто в ком. Истома обволакивает, цепляясь за остатки рассудка, чувствую, что близко.

– Кооос...

– Я знаю, детка, еще разок.

И мы бьемся друг о друга в оргазме, сползая на дно ванной. Я матерюсь, он смеётся почти беззвучно. Не могу от него оторваться, валю его и придавливаю собой, снова цепляясь за его припухшие губы. Его руки крепко прижимают меня ближе.

– Чёрт, как ты хорош...

– не знаю, как объяснить, что чувствую. Смотрю в его голубые глаза, провожу кончиком пальца по чёрным ресницам, по нижней губе.

– Костя, ты бог секса... Слад-

кий, как конфетка... не могу насытиться тобой...

Его грудь трясётся в беззвучном припадке смеха, он запрокидывает голову, обнажая ровные белые зубы, трусь носом в его шею и блаженно вдыхаю его аромат.

– Жень, тебя всегда так после секса несёт или я особенный?

– Ты... – вдруг хмурюсь и отстраняюсь. – У тебя кто-то есть? Глупо, есть, конечно... Но я без боя не сдамся.

– Даже так? – его бровь взлетает вверх. – За что будешь биться?

– За право прийти еще раз и заставить тебя так же стонать...

Костя улыбается, прикрывая глаза.

– Идем в постель? – предлагает он.

– О, да. Там я тебя оттрахаю в полную силу. А то тут боялся тебя стукнуть об стену.

– Идем, герой-любовник.

Я и так завтра хромать буду на работу, – усмехается он, обнимая меня за шею, когда я помогаю ему встать.

My best buddy, прощай!

Резкий противный звук вынимает моё сознание из небытия. Чувствую толчок в грудь, онемевшие пальцы нащупывают на этом месте гладкий плоский предмет. Телефон? Не в силах разомкнуть веки, пальцем скольжу по экрану, прикладываю к уху.

– Амхоу, – во рту пересохло, как в пустыне.

– Жень, ты где вообще?! Мама с папой поднимаются домой уже!

Хмурюсь, продирая один глаз, верчу головой – не узнаю. Приподнимаюсь на локте и реальность медленно возвращается в мою голову.

– Оль... это... я на тренировке... скажи, я на треню ушёл...

– Дурак, ты после обеда ходишь!

– Ну бегать... или кататься... Я скоро, давай...

Снова принимаюсь разглядывать комнату в поисках Кости, замечаю его силуэт

на балконе. Шарю руками по постели, но тусы на полу, натягиваю и выхожу на балкон. Костя курит и смотрит в горизонт, да его видно с Костиного этажа. Мокрые волосы торчат в разные стороны, он в одних трусах тоже, расслабленно опирается обеими руками на край балкона, как кинозвезда. Его кожа пшеничного цвета, солнце бросает на него тёплые блики, мышцы чётко проступают, аж потрогать хочется. Протягиваю руку и пальцами провожу по мускулам на плече, спине, беззастенчиво следую за линиями на живот, мягко бодаю его в плечо... Ласкаюсь о его гладкую кожу, он пахнет карамелью.

– Женька, как щенок с утра ласковыыыый... – смеётся Костя, а сам приобнимает меня. Его ладонь после этой безумной ночи такая родная, у меня мурашки.

– А тебе нравятся щенки? Смеётся.

– Коостяаа... Почему ты такой красавчик? Почему так хорошо с тобой? А тебе уже надо на работу? – трусь но-

сом в его щёку, на ней легкая щетина и следы моих зубов.

Он мягко целует меня. И мне очень нравится целоваться с ним на балконе вот так, в открытую. Безбашенно.

– Тише, - шепчет он. – Что ты с утра такой неугомонный...

– А ночью я что другой был?

Он смеется, и мне нравится, что я могу его рассмешить. Но он вдруг затягивается поглубже, медленно выпускает дым и очень серьёзно смотрит на меня. Я напрягаюсь весь изнутри: что там такое он собирается сказать...

– Жень, - отводит глаза, потом снова смотрит на меня. Мне кажется, эта пауза тянется вечно.

– Ну не томи, просто скажи уже, – я пытаюсь улыбнуться, но руки от него убрал.

– Ты мне понравился, Жень. Очень. Я не только про секс, – звучит хорошо, но чё он такой смурной и натянутый...

– Ты мне тоже, – быстро, но так же напряжённо отвечаю.

– У меня всё это впервые, конечно, но рядом с тобой очень хорошо.

Костя внимательно слушает, глядя в глаза, на его лице мелькает какая-то искорка.

– Жень, вот учитывая то, что у тебя это впервые, и эту твою историю с другом... – Он опять молчит.

Это упоминание о Ди кольнуло в сердце льдинкой, как отголосок счастья из прошлой жизни. Это что-то такое, о чём я не знаю, как сказать словами. My best buddy и я – это было самым настоящим, самым светлым и прекрасным, и казалось, что так должно быть всегда, и больше ничего этого нет. Наверное, это то, что называется прошлым... Когда люди говорят «и это тоже опыт», эта пустая фраза – в ней же нет всего, что ты чувствовал. Как вместить в эти глупые четыре буквы свою вселенную, маленькую жизнь, как было охрененно круто, а потом до смерти больно и пусто? Эта коротенькая история о my best buddy... Я не хочу, чтобы она была просто историей. Я не хочу это

забывать. Она всегда должна быть со мной. Моя первая непутёвая любовь.

Костина рука разворачивает меня к себе, он вытирает слезу с моей щеки.

– Послать хочешь, просто скажи, не надо вот это вот всё... – мой голос чужой и холодный. Пустота внутри сгибает пополам.

Он обнимает меня, это так нежно, и я плачу, как маленький после ночного кошмара, всхлипываю, цепляюсь за Костю, целую его плечи.

– Я подумал, может быть, ты бы хотел иногда встречаться со мной? – тихо выдыхает он, прижимаясь губами мне в загривок. – Без обязательств, – быстро прибавляет он. – На твоих условиях. – Медленно отстраняется, заглядывая мне в глаза.

Я вытираю слёзы тыльной стороной руки, шмыгаю носом и качаю головой.

– Ди... с ним ничего не вернуть. Это очень больно, но... просто я с ним нехорошо поступил... Бро, ну ты умеешь напугать, – я бросаюсь ему на шею, стискиваю крепко. – Кость... я не хочу уходить

даже...

Ну и всё. Костя мой незаслуженный подарок судьбы. Он проложил для меня мостик в будущее. Не только любовник – старший брат. Я очень благодарен за каждую минуту с ним, ну как минуту, пользуюсь любой возможностью и зависаю у него бесконечно: на работе, в зале, дома, как будто на спор проверяю, кто кому первый надоест.

Дэну я еще на прошлой неделе написал, чтоб он присмотрел за Ди вместо Пашка и меня, звал его покататься и все такое. А то, зная Ди, замкнётся в своем коконе, будет бояться меня встретить, но я больше не хожу туда – для него. Дэн, канешн, в шоке был, ну я ему и про Костю сказал, в смысле, прислал нашу фотку с балкона и «Вот так у меня, Дэн, если сможешь понять, я на связи, бро». Дэн позвонил, я не ожидал. Хоть он и заикался сперва, и задавал эти дурацкие вопросы: «А кто сверху?», «А ты теперь красишься и юбки носишь?», но дал понять, что всё ок.

Ещё сильно накрывает
иногда, конечно, как без
этого – вспоминаю всё, мир
обрушивается от горя, пото-
му что ничего не изменить,
не поправить. Кроет так,
что огни фонарей кажутся...
Короче, сильно кроет. Воот...
И мысли приходят всякие. А
сегодня у меня день рожде-
нья, и Костя спросил меня,
что я хочу, и я рассказал ему
про мой список. Естественно, он
расстроился, что первый секс
был не с ним, но отвёз меня
к своему знакомому мастеру,
и я набил первую татуиров-
ку. Одну букву. Так, как он
сам её пишет, что похоже на
Сатурн. D.

Моему Ди,
Саша Перкис

ИСПОВЕДЬ МОНСТРА, ЖИВУЩЕГО ПОД КРОВАТЬЮ

Привет! Меня зовут Тимми, и я монстр, живущий под кроватью. Я очень надеюсь, что это признание вас не отпугнёт, потому что мне очень трудно было написать то, что вы читаете – мои лапки не предназначены для того, чтобы держать карандаш. И я нижайше прошу вас – не рвите этот листок и не выбрасывайте его в унитаз. Я очень надеюсь, что хоть кто-нибудь его прочтёт. Нас, подкроватных монстров, никто никогда не слушает, но я подумал, что, может быть, хоть так я смогу рассказать кому-то свою историю и объяснить, что мы не такие уж плохие и не такие уж и страшные. Если же вы так сильно нас не любите и не хотите ничего знать, то умоляю вас, хотя бы не уничтожайте это письмо, ведь мне стоило таких огромных

трудов его написать. Спасибо!

Итак, как я уже сказал, меня зовут Тимми. Я живу под кроватью мальчика по имени Серёжа. Здесь я родился и здесь и останусь до самой смерти. Я появился, когда Серёже было чуть меньше четырёх лет, а на днях ему исполнилось шестнадцать.

Я вовсе не пришёл с улицы, не вылез из щели в полу, не вылез из преисподней, меня не прислали потусторонние силы и не сотворила злая колдунья. Я просто появился. Да, появился, однажды ночью, просто из воздуха. Это был один из первых эпизодов жизни, которые Серёжа помнит. Той ночью он не мог уснуть и сильно плакал. Мама пыталась укачать его, но он никак не желал успокаиваться. И вот, в какой-то

миг папа Серёжи что-то прокричал из соседней комнаты. Серёжа, испуганный, вдруг перестал плакать. Он весь сжался, будто пытаясь стать ещё меньше, чем он есть, и утих. В эту секунду и появился я.

Сейчас я гораздо больше, чем был тогда – со временем я сильно вырос и уже упираюсь макушкой в днище кровати, если встану в полный рост. И я продолжаю расти. Но, появившись на свет, я был совсем крохотный, меньше мышки. И испуганный ещё больше, чем Серёжа. Я сразу стал понимать человеческую речь и всё, что происходит. Но рядом со мной не было мамы, которая бы меня приласкала и спела песенку.

Вы ведь уже поняли, что у подкроватных монстров нет ни мамы, ни папы? Мы появляемся из ниоткуда и уходим в никуда – такова наша природа. И потому, когда мы рождаемся, рядом с нами нет более сильного и мудрого предка, который помог бы, всё рассказал об окружающем нас мире и о цели нашего существования. Нам

приходится дознаваться до всего самим. Впрочем, как я понял достаточно скоро, это даже хорошо, что взрослые монстры не живут рядом с нами, малышами. Но это я забегая вперед.

И вот, я сидел под кроватью Серёжи, одинокий, никому не нужный и не ведающий ничего об этом мире. Как в нём выжить и почему, собственно, я, подкроватный монстр, появился и появился именно под кроватью, и не просто под кроватью, а под кроватью маленького мальчика. Так что в первую ночь я просто сидел, забившись в самый дальний угол и прижавшись к плинтусу. Я боялся, что меня кто-нибудь увидит, до смерти боялся.

Я перепугался ещё сильнее, когда под кровать залезла Мурка – наша кошка. Я говорю «наша», но, конечно, Серёжа и его родители воспротивились бы этому – ведь они вовсе не считают меня членом своей семьи. Так вот, Мурка залезла под кровать едва Серёжа всё-таки уснул, и начала рыскать по полу и принюхиваться. Вскоре она

углядела меня, и уж тут-то я вовсе затрясся от страха. Её жёлтые глаза хищно блестя в темноте и приближались. Я был уверен, что она меня съест, и хотел было бежать, но не мог и пошевелиться. Однако Мурка меня не тронула. Лишь подошла очень близко, обнюхала и ушла, потеряв интерес. К слову, с тех пор она очень часто меня навещала, и мы даже с ней подружились.

Мурка первая и пока единственная из всей семьи, кто меня любит. Ну, или хотя бы относится хорошо. Но в ту ночь я очень боялся её и мысленно молился о том, чтобы она больше не пришла. Это сейчас мне ясно, что Мурка и не могла меня съесть, а тогда вид её зубов и когтей внушал ужас.

И вот я просидел всю ночь сжавшись в комок и думая, что же мне делать. А к утру

я уснул. Теперь мне ясно, что для монстра, живущего под кроватью, это вполне нормально. Мы спим днём, а ночью бодрствуем. Это я понял достаточно быстро, как и то, что мне не нужна ни еда, ни вода, чему я очень обрадовался. Я боялся, что, если меня и не съест Мурка, всё равно скоро я сам умру с голоду или от жажды. Но этого не произошло ни на первый, ни на второй, ни в последующие дни. Более того, мне даже не хотелось ни есть, ни пить, хотя я уже на вторую ночь узнал, что люди делают это постоянно и притом очень часто, потому что иначе им не выжить. И, хотя был рад тому, что не умру без еды, но всё же пригорюнился. Я понял, что очень сильно отличаюсь от Серёжи и его родителей, и это отличие едва ли поможет мне наладить с ними отношения.

Проведя несколько ночей под кроватью, я решил всё же попробовать вылезти. Дождавшись, когда стемнеет и Серёжа уляжется спать, я аккуратно высунулся наружу.

Немного посидев у самого края кровати, я решил прошагать чуть-чуть вперёд и пройтись туда-сюда по ковру. Тут Серёжа заворочался и открыл глаза. Увидев меня, он открыл рот от удивления, а мгновением позже вдруг закричал и сел на кровати, прижавшись к стене.

– Мама, папа, на помощь, помогите! – закричал он.

Подпрыгнув от испуга, я метнулся обратно под кровать и забился в угол. Меньше чем через минуту прибежали мама и папа Серёжи и включили свет. Я зажмурился, на мгновение решив, что ослеп. Но потом открыл всё же глаза. И, хотя свет причинял мне боль, я не решался снова их закрыть, думая, что вот-вот мне придётся снова бежать.

– Что такое, сынок? – спросила мама Серёжи.

– У меня под кроватью сидит чудовище!

И Серёжа захныкал. Мама тяжело вздохнула и села на колени перед кроватью.

– Я уверена, там никого нет, милый, – сказала она ла-

сково. – Я сейчас посмотрю. Но если и есть, мы его прогоним, хорошо?

Я не видел Серёжи, но отчего-то знал, что он несколько раз быстро кивнул.

Мама откинула покрывало и простынь, и свет ещё сильнее зашипел мои глаза. Мама опустилась на пол и заглянула под кровать. Увидев её, я инстинктивно оцепенел и зашипел, стараясь отступить ещё дальше, хотя и так уже упирался в стену.

Я думал, сейчас мама увидит меня, схватит швабру или ещё что-нибудь длинное и твёрдое и попытается ударить меня или выгнать из-под кровати. Но она лишь улыбнулась и поднялась, снова застелив постель.

– Вот, видишь, я же говорила – там никого нет! – сказала она.

– Правда? – спросил Серёжа тоненьким голоском.

– Правда-правда, – уверила его мама, наклонилась и поцеловала в лоб. – Так что ты можешь спать. Хочешь, я с тобой ещё чуть-чуть побуду?

Серёжа снова закивал, но тут вмешался его отец:

– Нечего потакать ему, Тань! Или он так и будет шугаться каждой тени и не научится спать один. А ты будь женщиной! Ты уже большой.

– Ну, Миша, он же ещё малыш!

Родители ещё долго спорили, и в этом споре Серёжа вдруг принял сторону отца и начал убеждать маму, что всё в порядке, и что он больше не боится, и что можно оставить его одного. В тот миг я почувствовал, что меня раздувает. Я будто в одно мгновение стал больше и сильнее, хоть и ненамного.

Родители Серёжи ушли, погасив свет, сам Серёжа снова лёг и, какое-то время ещё проворочавшись, всё-таки уснул. Я больше не пытался вылезти в ту ночь. Только сидел и обдумывал то, что узнал за последнее время. Я понял несколько вещей. Во-первых, из людей меня мог видеть только Серёжа, для остальных я просто не существовал. Во-вторых, у нас с Серёжей есть какая-то невидимая связь, благодаря которой я знаю и чувствую, что он делает, видит и слы-

шит. Так было и раньше, но я этого не замечал, потому что, когда Серёжа бодрствовал, я спал, и наоборот. Ну и наконец, я понял, что мой рост как-то тоже связан с Серёжей, с его переживаниями. Но я пока не знал как.

В следующие дни я тоже не высывался. Боялся. Но в то же время вместе со страхом я ощущал острую необходимость вылезти из-под кровати. И не просто вылезти, а забраться в кровать. Будто что-то меня тянуло к Серёже.

Через какое-то время я предпринял ещё одну попытку. Но и она оказалась неудачной. На этот раз Серёжа не стал кричать и звать родителей, хотя испугался не меньше прежнего. К слову, в ту же секунду, когда он колеблясь всё же подавил в себе желание закричать, я стал ещё чуточку больше. А Серёжа схватил с прикроватной тумбочки мягкую игрушку динозавра и метнул её в меня. Я увернулся и снова шмыгнул под кровать. Долгое время Серёжа сидел на постели и не двигался, а

потом решил заглянуть. Он не стал включать свет, так что мне удалось спрятаться, и он меня не увидел.

И вот я продолжал сидеть под кроватью ночами напролёт, думая, что же мне делать. Благо ко мне приходила Мурка, и мы немного болтали с ней – мысленно. От неё я узнал, что не единственный монстр в этом доме. Ещё два живут под кроватью родителей, сказала она.

«Они гораздо больше и гораздо злее тебя. Они со мной не дружат. Они вообще ни с кем не дружат. Даже друг с другом. Сидят по разным углам и щетинятся один на другого. Хотя им так тесно под кроватью, что они всё равно трутся боками».

Обрадованный, что рядом есть мои сородичи, я пропустил эти её слова мимо ушей и решил непременно пойти и пообщаться с ними. Однако мне было никак не выбраться из комнаты, потому что Серёжа плотно закрывал дверь. Но я уговорил Мурку мне помочь, и в один вечер она подсунула под дверь

комков своей шерсти, чтобы та не захлопнулась. А потом пришла и толчком лап отодвинула её.

Я решил подождать подольше, чтобы быть уверенным, что Серёжа спит. Если бы он меня опять заметил, то мне пришлось бы снова спрятаться под кровать и начинать всё сначала на следующий день. Так что я рискнул вылезти лишь в два часа ночи. Я долго набирался смелости, но наконец выдохнул, резко выскочил из-под кровати и тут же выбежал за дверь. Боюсь, Серёжа таки уловил мой побег, потому что я услышал шевеление позади себя и понял, что он оглядывается. Но он меня не заметил, и я смог проскочить в спальню.

Увидев монстров, живущих под двуспальной кроватью родителей, я сначала пришёл в восторг. Они были большие и сильные: каждый из них превосходил меня в размерах раз в десять, а то и больше. Мне тогда было невдомёк, что для подкроватного монстра быть большим – это не хорошо, а плохо;

что чем больше монстр, тем он больнее и несчастнее. В общем, я решил, что наконец-то нашёл если и не маму с папой, то кого-то, кто может их заменить.

Но я ошибался, и очень жестоко. Мурка говорила правду. Монстры мамы и папы сидели в разных углах кровати, неотрывно глядя один на другого и периодически шипя будто змеи. «Неужто они всю ночь только и делают, что скалятся друг на друга? – подумал я. – Нет, конечно, такое невозможно, просто они, наверное, поссорились. Люди ведь тоже иногда ссорятся между собой, даже очень близкие». Успокоив себя этой мыслью, я подошёл к ним и заговорил.

– Здравствуйте! Меня зовут Тимми. Не знаю, откуда у меня это имя, но я живу под кроватью в соседней комнате.

Тогда я действительно не знал, как получил имя. Точнее, не до конца понимал. Теперь я могу чётко сказать, что его мне дал Серёжа. Но он его никогда не произно-

сил вслух. Только мысленно, когда думал обо мне.

– Х-ха, так ты монстр этого мелкого поганца, из-за которого мы оба раздулись? – сказал один из монстров мужским голосом. – И чего

тебе надо?

Я растерялся.

– Я... Я... Я просто хотел спросить совета. Вы ведь взрослые и такие большие! Вы наверняка можете мне помочь.

– С чего ты взял, монстр спиногрыза? – отозвался второй монстр, на этот раз женским голосом. Так я понял, что один из них – монстр мамы, а другой – папы. Только сейчас до меня дошло, что каждый монстр принадлежит какому-то человеку – тому, под чьей кроватью он живёт. Эти двое жили вместе потому, что их хозяева спали на одной кровати. И судя по всему совместное существование им радости не приносило.

– Но... Но ведь...

Теперь я вовсе не знал, что сказать. Никак я не ожидал такого грубого приёма.

– Послушай, сопляк, – сказал монстр папы. – Знай мы, что должен сделать монстр из-под кровати, чтобы вылезти из-под этой самой кровати и чтобы его не загнали обратно, – нас бы тут не было, смекаешь? А теперь иди отсюда, не мешай нам.

И я, совсем подавленный, вернулся под свою кровать и тихонечко заплакал. Мурка пришла и стала меня утешать.

«Ну я же тебе говорила! –

наставляла она меня. – Эта парочка ненавидит весь мир. Помощи от них не дождётся. Ну-ну, не плачь!»

И она потёрлась мордочкой о меня.

Я продолжал жить у Серёжи под кроватью и наблюдать за тем, как он растёт. Постепенно я узнал многое о его семье. Что-то от Мурки, что-то из мыслей Серёжи, а что-то из разговоров в доме. А иногда Серёжа сам начинал со мной разговаривать.

Точнее, он говорил со своим воображаемым другом, который якобы висел под потолком и всё время был рядом с Серёжей. Ему Серёжа рассказывал всё, даже то, что очень тщательно прятал и от родителей, и от друзей. Рассказал он ему и обо мне. Ну, то есть постоянно жаловался, что я живу под его кроватью и пугаю его.

Очень скоро я понял ужасную вещь. Родители Серёжи тяготились семейной жизнью. Они ещё не совсем разлюбили друг друга, но всё к тому шло. И если бы не Серёжа, они бы, пожалуй, уже давно разошлись, чему

бы их монстры были дико рады. Дело в том, что они и поженились-то из-за того, что должен был появиться он. Впрочем, тогда ещё между ними была любовь, и они и подумать не могли, что она когда-нибудь улечётся, будто испарившийся парфюм. А ещё у папы из-за этого не сложилась карьера. Ему пришлось отказаться от хорошей работы из-за того, что она связана с долгими командировками, а ему нужно было быть с семьёй. А мама с самого детства мечтала поехать в Париж и в Лондон и шить платья. Но на это у неё не было ни средств, ни сил, ни времени, потому что всё уходило на работу в пекарне и на семью. Когда я узнал всё это, мне стало ещё грустнее.

К Серёже часто приходили друзья и иногда оставались у него ночевать – в его комнате была вторая кровать. И в такие дни я обнаруживал под ней ещё одного гостя. С парочкой из них я подружился, но увы, виделись мы редко, а то и вовсе всего один раз. Как-то раз и Серё-

жа ночевал в гостях, и тогда я, проснувшись, обнаружил себя под чужой кроватью.

Шли годы, и Серёжа пошёл в школу. Он начал увлекаться самыми разными вещами и ходить на творческие кружки. Именно в то время я сильно располнел. Когда Серёжа пошёл в музыкальную школу и на танцы, всё шло более или менее неплохо. Эти занятия папа тоже не особо приветствовал, но хотя бы не имел ничего против них. Но как-то раз Серёжа увлёкся бисероплетением, и вот тут уже папа стал в открытую насмехаться над ним.

– Что за девчачьи штучки? – говорил он. – Может ты ещё и в куклы играть будешь?

К слову, в куклы Серёжа и впрямь как-то играл в детском саду, и ему это очень понравилось. Не то чтобы ему не нравились машинки или конструкторы, но ему было невдомёк, почему одни игрушки для мальчиков, а другие – для девочек. Когда же другие мальчики в саду

увидели его играющим в куклы и обсмеяли, он вернулся домой весь в слезах, за что тут же получил выговор от отца («Мужчины не плачут!»). С того дня Серёжа никогда не делал две вещи – не играл в куклы и не плакал у кого-то на виду. Но иногда делал это тайком перед сном. А я с того дня ещё немного подросток.

В общем, очень скоро насмешки папы Серёже надоели, и он бросил кружок по бисеру. Тогда отец завёл с ним душевный разговор, похлопал по плечу и сказал:

– А давай я лучше ответу тебя на футбол? Или на бокс? Бокс – вот это как раз дело для настоящего мужчины.

А потом он принёс из гаража коробку и стал показывать Серёже её содержимое. Там было несколько грамот и медалей за участие в школьных и районных соревнованиях. В том числе и по боксу.

Серёжу отдали в несколько секций, но нигде он долго не продержался. Ему не нравились ни бокс, ни футбол,

ни теннис, ни баскетбол. Но папа продолжал его таскать из одной секции в другую, а музыку и танцы заставил бросить. У нас в доме так и не появились никакие инструменты, но были нотные тетради, которые осели в недрах самого дальнего ящика, составив компанию нитям, проволокам и мешочкам с остатками бисера. Догадываетесь, кто подросток после всего этого?

Однажды в семье случилось трагическое событие. Сильно заболел дедушка Серёжи со стороны папы. Чтобы ухаживать за ним, родители перевезли его к себе и поселили в комнате с Серёжей – другого места в квартире не было.

Последующие несколько ночей были ужасны для нас обоих. Мы с Серёжей наблюдали за тем, как умирает дедушка, а я – ещё и за его монстром. Он был ещё больше чем у мамы и папы и едва помещался под кроватью даже в одиночку. В одну из ночей я попытался с ним заговорить, но он лишь рыкнул на меня, заставив

збраться поглубже под кровать.

Я мало знал о дедушке Серёжи. Он иногда приходил в гости, но никто ему в доме был не рад, даже папа. Дедушка очень много ворчал, вечно был недоволен маминной стряпнёй, шугал Мурку, а один раз хотел выпороть Серёжу за то, что тот начал есть, не дожидаясь, пока все сядут за стол. Он был на войне и много о ней рассказывал, а ещё постоянно спрашивал у внука, сколько тот может отжаться, и заставлял продемонстрировать.

Но в те дни дедушку как будто подменили. Он всё время благодарил маму за заботу, часто плакал и перестал рассказывать про войну, зато поведал Серёже про то, как сам был мальчишкой, и про их знакомство с бабушкой. Как-то ночью я выглянул из-под кровати и увидел, что дедушка не спит, а тихонечко плачет в подушку. Но это было не всё. В ту ночь я увидел невероятное – то, что изменило всю мою дальнейшую жизнь, подарило мне цель.

Подкроватный монстр дедушки, это огромное грузное чудовище, вылезло из-под кровати, не торопясь и не скрываясь и... Запрыгнуло на неё! И знаете, что самое удивительное? Дедушка его не прогнал! Нет, вместо этого он приподнял одеяло, позволяя монстру тоже укрыться, и обнял его крепко-крепко и стал гладить. Монстр негромко замурлыкал, а дедушка перестал плакать и закрыл глаза улыбаясь.

С тех пор я не видел монстра дедушки, хотя сам дедушка прожил ещё несколько дней, пусть и не вставая с постели. Серёжа от него не отходил и держал за руку, когда дедушка умирал.

Тогда-то я и понял, в чём цель жизни монстра под кроватью, а значит, и моя. Я должен был любой ценой, невзирая ни на что оказаться в постели со своим хозяином. И оказаться как можно раньше. Меня пугала мысль, что я проживу целую жизнь и лишь перед смертью хозяина смогу обнять его. И что я вырасту до таких чудовищных размеров.

И я предпринял новую попытку. И мне почти удалось! Наверное, всё дело в том, что

Серёжа тогда был очень расстроен смертью дедушки, с которым у него только-толь-

ко наладились отношения. Возможно, это чуточку смягчило его сердце. Я смог запрыгнуть в постель, пока он спал, и даже подойти к изголовью. Серёжа приобнял меня одной рукой, и я ощутил себя самым счастливым подкроватным монстром на земле. Но потом он проснулся и в ужасе оттолкнул меня. Я снова залез под кровать, а Серёжа начал убеждать себя, что ему всё померещилось.

С тех пор я периодически пытался вылезти из-под кровати, но лишь когда Серёжа не засыпал. Я не хотел больше пытаться обманом залезть к нему – я понял, что так у меня ничего не получится.

Первое время Серёжа яростно прогонял меня. Один раз даже избил шваброй, запустив её под кровать. После этого я очень долго не вылезал даже из своего угла, не то что из-под кровати.

Но потом он сменил тактику. Теперь он просто притворялся, что не видит меня, и что меня вообще нет. Я вылезал, гулял по ковру, мог

даже забраться на кровать и смотреть на него пристально несколько часов кряду. А он просто не обращал на меня внимания. Иногда он говорил что-то вроде: «Здесь никого нет!» или «Мне всё мерещится!»

Так мы и жили следующие годы. Я рос, хоть и не очень быстро. До тех самых пор, пока с Серёжей не произошло то, что происходит однажды со всеми людьми. То, что они называют половым созреванием.

Началось это, когда ему было тринадцать. Тогда Серёжа впервые испытал желание смотреть на другого человека и прикасаться к нему. Гладить, целовать. А ещё увидеть то, что обычно скрывает одежда. Казалось бы, в этом нет никакой проблемы, и не с чего мне было набирать вес. К тому времени Серёжа уже достаточно много знал об отношениях мужчин и женщин и о половой жизни, хотя источники были, мягко скажем, не слишком надёжные. Но и их было достаточно для того, чтобы Серёжа не испугался, когда

его впервые потянуло бы к девочке. Вот только его не потянуло к девочке. Точнее, потянуло не к девочке.

Не стоит, я думаю, рассказывать подробности. Как бы то ни было, мой хозяин испугался. Испугался настолько, что стал убеждать себя в том, что ничего не было. И с того дня я начал расти как на дрожжах.

Серёжа, продолжая ругать и бичевать себя, стал всё больше засматриваться на других юношей. Он запрещал себе об этом говорить с кем-либо, даже запрещал себе думать. Он набрал журналов, где много фотографий девушек, и начал разглядывать их в упор целыми часами. Когда Серёжа был с друзьями, он нарочито грубо обсуждал своих одноклассниц и даже некоторых учительниц – тех, что были помоложе. Потом его друзья стали рассказывать разные истории из своей интимной жизни – все до единой выдуманные, как я узнал от их подкроватных монстров. Тогда Серёжа тоже выдумал себе парочку историй и на-

чал рассказывать их.

Я стал расти так быстро, что боялся лопнуть. Всего за полгода я увеличился в два раза! Мне уже совсем немного оставалось до монстров мамы и папы, а ведь им было уже много лет!

Всё стало ещё хуже, когда личной жизнью Серёжи начал интересоваться папа. Он расспрашивал его про девочек и хитро подмигивал, а ещё давал родительские наставления. Не буду их пересказывать, дабы не вызывать у вас чувство чужого стыда.

Серёжа, напуганный теперь ещё и тем, что папа что-нибудь прознает или заподозрит, стал лихорадочно искать себе девушку и очень скоро нашёл. Звали её Катя. Нет, ничего у них не было, конечно же. Катя не спешила расставаться с невинностью, поскольку ей это запрещало воспитание, а Серёжа не очень-то старался её уговорить. Его вполне устраивало, что Катя есть и что все знают, что она есть. Но они целовались, и я знал, что Серёже это никакой радости не доставляло.

Они долго встречались, но всё же рассорились и расстались. За время их отношений я вырос ещё в два раза и теперь уже перерос монстров мамы и папы. Но после расставания я немного сдулся, чему был несказанно рад. Я заметил, что Серёжа более спокойно предаётся эротическим мыслям, я бы даже сказал, мечтает. Хотя по-прежнему никому об этом не говорит, а себя убеждает, что это временно, и что он просто ещё не встретил ту самую.

После ухода Кати я несколько раз пытался забраться к нему. Сначала Серёжа по-прежнему пытался меня игнорировать, и я в грусти уходил обратно под кровать. Но потом, поняв, что я никуда не денусь, он начал пинать меня, потом хватать и отшвыривать куда-то в дальний угол, причём так, чтобы я ударился посильнее. Однажды он попытался вышвырнуть меня в окно. Я пробегал вокруг дома всю ночь, а утром уснул, уверенный, что не увижу больше своего хозяина. Но, проснув-

шись, я снова обнаружил себя на своём месте, под кроватью Серёжи.

Как-то раз Серёжа, придя домой, заперся, лёг в кровать и стал плакать. Я слушал его плач, уставившись в пол. Я знал, почему он плачет. Он уже много дней поглядывал на Макса, одного мальчишку из параллели. А сегодня увидел того, идущего под руку с девушкой.

В тот день произошло чудо. Ночью я пробрался в постель, и Серёжа не прогнал меня. Он укрыл меня одеялом и обнял, так же, как до этого дедушка своего монстра. Тогда я позволил себе наивную мысль, что вот оно, свершилось, что теперь всё будет хорошо. Но я опять ошибся.

На следующий вечер Серёжа заглянул под кровать. Сам. Он выдернул меня из-под неё и стал избивать. Он пинал меня, швырял об стенку, выдирал клочья шерсти и кричал:

– Уйди, чудовище! Тебя нет! Исчезни! Изыди! Провались! Катись обратно, откуда вылезло! Уходи, тварь!

И снова швырял и пинал меня.

Но я не мог никуда уйти, даже если бы и хотел. А я хотел. Я был бы рад уйти куда угодно, даже убежать на улицу, где сейчас царила лютая зима, и там погибнуть – лишь бы сделать легче своему хозяину, лишь бы дать ему спокойно жить. Ведь я люблю его, хоть он и отказывается это признавать. Но я знал, что это не поможет. Куда бы я ни ушёл, на следующую ночь я всё равно окажусь под его кроватью. Мне кажется, и он тоже об этом знает.

Тот вечер был первым, но не последним из таких. Всю следующую неделю Серёжа устраивал мне экзекуцию, а потом падал на постель и рыдал. Рыдал он надрывно, но при этом закусив край подушки, чтобы не услышали родители – особенно папа.

Прошёл месяц с последнего моего избиения. С тех пор я не вылезая из-под кровати. Я жду. Не знаю, сколько мне придётся ждать, но очень надеюсь, что не слишком долго. Но, если придётся, я

буду ждать всю жизнь. Как монстр дедушки. И буду пытаться снова и снова. Надеюсь лишь, что я не разбухну ещё сильнее.

Мурка по-прежнему приходит ко мне в гости. Она с нашей первой встречи совсем не выросла, так что теперь я гораздо больше её. Но она уже совсем старая, и скоро, я думаю, её не станет, а значит, я останусь совсем один. К слову, Мурка рассказала мне, что монстры родителей тоже продолжают расти и уже не помещаются вдвоём под кроватью. Ещё немного, сказала она, и их бока начнут вылезать за края, и те, кто их не видит, будут на них натыкаться.

Недаром я начал слышать странные разговоры мамы и папы в последнее время. Они стараются вести их так, чтобы Серёжа ничего не слышал. Но, когда его нет дома, эти разговоры становятся очень громкими, и от них даже я просыпаюсь днём. И их монстры тоже просыпаются и начинают лаять друг на друга, хотя никто этого и не слышит. И всё чаще

и чаще в этих разговорах звучит страшное слово «развод».

Пожалуйста, если вы дочитали до этого места, выполните мою просьбу. Во-первых – не уничтожайте, пожалуйста, этот листок. Лучше передайте его другому человеку или пустите его по ветру, чтобы моё письмо мог прочесть кто-то ещё.

И во-вторых: я знаю, вы, люди, не любите своих монстров под кроватью, боитесь нас, пытаетесь избавиться. Но, поверьте, мы не желаем вам ничего плохого. И нас вовсе не послали злые силы. Скорее всего, и под вашей кроватью живёт маленький монстр. А может, и не маленький. Как бы там ни было, не прогоняйте его! Пустите его к себе, накройте одеялком, обнимите и погладьте, как вы гладите своих домашних питомцев. Поверьте, нам очень тяжело под кроватью, в темноте, в одиночестве, в изгнании. С уважением и любовью, Тимми, монстр, живущий под кроватью.

52 ГЦ (ФРАГМЕНТ)¹

Джеймс нетерпеливо покусывал губы. Майкл залез ему под футболку, обхватил за талию пальцами — тот невольно охнул, слабея, но не сдался, упрямо стиснул губы. Майкл потёрся лицом о его бедро, зубами оттянул край джинсов, взяв за болт. Сглотнул скопившуюся слюну. Подлез пальцами под резинку белья, выправил из-под неё член с полуоткрытой покрасневшей головкой. Нежно лизнул её. Джеймс тихо вздохнул, расслабляя бёдра, шире развёл вздрогнувшие колени. Майкл поймал ртом твердеющий член, приласкал языком, направляя

глубже. Джеймс издал тихий стон и съехал к краю сиденья, когда Майкл потянул его на себя, прошептал что-то одновременно требовательное и протестующее.

Майкл не стал вслушиваться — он был занят. Прикрыв глаза, он забирал его член глубоко в рот, чувствуя, как тот обретает твёрдость и распрямляется, наливаясь кровью, как становится горячее в губах. Майкл скользил по нему вверх и вниз, лаская всем ртом — языком, нёбом, впуская до самого горла, расслабленно позволяя ему проскользнуть дальше, задерживая дыхание, чтобы снять рефлекс. Он глубоко дышал, поглаживая рукой мокрый от слюны ствол, задерживал в губах головку, прежде чем выпустить с тихим чмоканьем. Джеймс, откинув голову на спинку сиденья, сухо

¹ Победитель конкурса литературного описания минета «Горловая инвентаризация», опубликовано в авторской редакции. Выход книги запланирован на 2023 в издательстве Likebook.

сглатывал, прерывая дыхание. Майкл смотрел на него, улыбаясь, ладонью прижимая его горячий член к своей щеке, потом проводил по нему губами, заласкивал, зализывал, зацеловывал, снова забирал в рот. Словно возвращал Джеймса — себе. Словно это был странный и нежный ритуал, существующий только для них двоих, заживляющий всё, что было разбито, унимающий боль, чувственный, искренний, откровенный.

Впрочем, нежности у Майкла не хватило надолго.

— Детка, — с хрипотцой позвал он, глянув вверх, придерживая член у лица и проводя им по нижней губе.

Джеймс приоткрыл затуманенные голубые глаза, увидел Майкла — со стоном закрыл их обратно. Рукой, для верности.

— Детка, дай выпить, — с ухмылкой попросил Майкл. — В горле пересыхает.

Джеймс рывком сел, выдернул бутылку шампанского из ведёрка. С неё капало. Он повертел головой, потерев на сиденье бокалы, но

Майкл остановил:

— Да зачем. Лей прямо так.

— Куда тебе лить? — напряжённым от возбуждения голосом спросил Джеймс. — На голову?

Вместо ответа Майкл поднял лицо и раскрыл рот. Высунул язык, поманил самым кончиком, мол, сюда, куда же ещё.

— Господи, ты извращенец, — прошептал Джеймс.

Взял бутылку двумя руками — они заметно подрагивали, — наклонил. Шампанское вспенилось на языке, Майкл фыркнул от пузырьков газа, ударивших в нос, облился, но проглотил.

— Извращенец, — уверенно повторил Джеймс и сам присосался к бутылке — на трезвую голову, очевидно, выносить всё это он больше не мог.

— Ещё, — приказал Майкл.

Джеймс набрал шампанского в рот, наклонился над ним, выпуская сквозь губы. Майкл поймал. Прошептал:

— Умница, детка.

— Не отвлекайся, — севшим голосом потребовал Джеймс.

Майкл нашарил пульт на

сиденье, подбавил громкости, чтобы музыка заполнила салон. Опустил голову обратно.

Джеймс прикладывался к шампанскому, бросив строить из себя хорошего мальчика. Длинно стонал, роняя голову на спинку сиденья, смотрел сквозь ресницы — а Майкл смотрел в ответ, сдерживая хищную улыбку. И, прикрывая глаза, надевал рот на его член, уже не нежничая, а откровенно и порнографично отсасывая ему. Брал его целиком, стонал в него, дразня глухой вибрацией в горле. Джеймс отзывался почти в унисон, подхватывая вторым голосом, бессильным и жадным одновременно. Майкл тоже был жадным. Столько лет — лет!.. — он был лишён Джеймса, что теперь отпустить его просто так он не собирался. Он собирался вытряхать из него воспоминания обо всех других, всех, с кем тот был, чтобы даже мелочи в памяти не остались. Чтобы было так же, как у него в голове — никого, кроме тебя, пусто, голо, ни-

кто не значим, нет ни имён, ни лиц.

Джеймс вцепился ему в плечо, царапая ногтями сквозь футболку, дёрнул бёдрами вверх, побуждая поторопиться. Майкл выпустил влажный член изо рта, заставив Джеймса сдавленно зарычать и стиснуть на плече пальцы. Посмотрел на него — раскрасневшегося, с блестящим шальным взглядом, с прямым голым членом, торчащим вверх.

— Не скрывай, что тебе это льстит, — прошептал Майкл, утирая слюну с подбородка. — Скажи, тебе ещё ни разу не отсасывала голливудская звезда?..

— Я ненавижу твоё блядское самомнение! — прошипел Джеймс сквозь зубы.

— Зато любишь мой рот.

— Заткнись уже ипусти его в дело!

Майкл усмехнулся, показав зубы. Подхватив Джеймса под колени, дёрнул на себя, заставив съехать с сиденья, содрал с него джинсы на бёдра и облапил плоскую задницу, снова захватывая член ртом. Джеймс стиснул

ягодицы, подаваясь вверх. Майкл не осторожничал, брал целиком, упираясь лбом во вздрагивающий живот, пропускал до самого горла. Потом скользнул пальцами по мокрой от слюны промежности, надавил на сжатые мышцы у входа — и Джеймса подбросило у него в руках, он зашипел, кончая, и Майкл прошёлся по всему стволу плотными губами, выжимая из него всё без остатка, собирая на язык солоновато-мускусную сперму, без всяких сомнений возвращая Джеймса — себе.

Иллюстраторы, путеводитель:

Обложка:

Greg Olivenbaum

Алекси:

wee.__.wee стр. [8](#), [23](#), [30](#)

Отрезвляющая свобода:

Enlil A. стр. [41](#), [45](#)

My best buddy:

draw_eat_read стр. [58](#), [73](#), [82](#)

Исповедь монстра, живущего
под кроватью:

Henry стр. [90](#), [95](#), [100](#), [105](#)

[Revista de literatura queer
“Vsluh”](#)

[Publicación periódica sin
ánimo de lucro](#)

[Miembro fundador](#)

[Andrei Kosogorskii](#)

[Dirección](#)

[02600, Calle Molino Nuevo, 32,
Villarobledo, Albacete, España](#)

[n. +34641505898](#)

[E-mail:](#)

[vsluh.zhurnal@gmail.com](#)

[Junta editorial:](#)

[Andrei Nechaev](#)

[Anna Tolkacheva](#)

[Leo Veles](#)

[Aleksei Levinski](#)

[Aleksandr Artemov](#)

[Esta revista se distribuye de
forma gratuita](#)

